

МАКСИМ СУББОТИН
АЙЯ СУББОТИНА

СЕРДЦЕ
ЗИМЫ

И СТАНЕТ СНЕГ АЛЫМ

Зима близко

Максим Субботин

Сердце зимы

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Субботин М.

Сердце зимы / М. Субботин — «АСТ», 2017 — (Зима близко)

ISBN 978-5-17-101721-7

Этот мир называется Эзершат. Север его, покрытый снегом и льдом — Кельхейм, суровый край. Странная группа людей движется к его конунгу. Они посланцы из Дасирийской империи — главного государства Срединных земель, где идет жесткая схватка за престол. На пути их подстерегают смертельные угрозы и испытания... и встреча с маленькой волшебницей Хани. Все понимают, что в Кельхейме происходит что-то странное, выходящее из ряда вон. Но даже не подозревают, какая жуткая беда уже нависла не только над северными землями, но и над всем Эзершатом. И скоро их поход, как и любые битвы за власть, потеряет всякий смысл. Белая и черная магия, измены и подлость, интриги и предательство, сражения, честь и отвага, подлость и трусость, страшные эксперименты над людьми — все еще впереди, настоящий путь только начинается. «Сердце зимы» — редкая по силе сага в жанре высокого мужского жесткого фэнтези из созданных за последние годы. Вы ищете что почитать? Так читайте!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101721-7

© Субботин М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Хани	9
Арэн	16
Раш	20
Хани	23
Арэн	27
Катарина	34
Хани	38
Раш	41
Арэн	49
Хани	55
Катарина	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Максим Субботин, Айя Субботина

Сердце зимы

Оформление обложки Владимира Гуркова

© Максим Субботин, 2017

© Айя Субботина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Сад утопал в ароматах пряной зелени. Тонкие лозы расплзлись по невесомым террасам, тенистым водопадом нависли над тропой. Пока Фархи проделала путь через сад, тонкие шипастые усы несколько раз пытались ужалить, одному это даже удалось. Место укола мгновенно начало чесаться, покрылось коркой. На коже под пальцами явственно ощущался плотный горячий бугорок. Скорее всего, ерунда, которая пройдет сама собой, но накануне серьезного разговора Фархи не хотела выглядеть душой, которая только и делает, что скребет зудящую болячку. У человека, с которым она собиралась говорить, и без того предостаточно поводов считать ее существом, стоящим на ступени эволюции где-то сильно ниже простейшего беспозвоночного.

Мошеная дорожка привела ее к каменным развалинам, имитирующим остатки какого-то древнего замка, вроде тех, которые без конца строят безмозглые северяне. Фархи пренебрегала столь грубыми архитектурными формами, считала их пережитками Времен упадка и не понимала, отчего они по душе столь многим ее соотечественникам.

Мужчина сидел на каменной скамье, укрытой тканым полотном, и не оторвался от чтения, даже когда Фархи обозначила свое присутствие выразительным покашливанием. Хоть в последнем не было необходимости – он, без сомнения, слышал каждый ее шаг.

– Мне нужно разрешение, Маларис, – она без обиняков озвучила причину визита.

Он даже головы не поднял. Мягкая ткань хитона струилась по его скульптурным мускулам, подчеркнутым годами тончайших ухищрений хирургантов, волосы ниспадали на плечи чуть наметившимися завитками цвета чистого золота.

– Я могу найти его, – добавила Фархи.

Она давно сбилась со счета, сколько раз за последние дни повторила это обещание: «Могу найти...» Большинство людей, к кому обращалась Фархи, отвечали ей лишь снисходительной усмешкой, иногда приправленной жалостью. Некоторые смотрели сочувствующе, как на увечного ребенка, которому сохранили жизнь из глубокого сострадания, но с тех пор он только то и делает, что доставляет хлопоты.

– Твое стремление похвально, но ты слишком слаба, чтобы одолеть его.

Слова прозвучали безапелляционным приговором.

– Я смогу! – настаивала она. И в стремлении показать рвение вложила в слова слишком много остервенения и ярости.

Мужчина поднял на нее взгляд. На его идеальном лице проступил налет гнева. Кому-то другому этот взгляд не сулил бы ничего хорошего – только скорую и, если повезет, безболезненную смерть. Но Фархи бессовестно пользовалась своим положением. В конце концов, он сам дал ей право на подобную дерзость.

– Ты знаешь, что испытываешь мое терпение? – осведомился он.

Как будто это не написано у нее на лбу!

Фархи подошла ближе, хоть почти физически ощущала исходящую от него неприязнь. Всего-то пара шагов, но сколь непросто они дались, будто пудовые колодки волочешь на себе. Сжав зубы, она напонила себе, что они – одна кровь. Он должен не только выслушать ее, но и услышать!

– Еще один шаг, и я велю просверлить в твоей бестолковой башке дырку, а после лично запущу туда трупоедов. Как думаешь, что они сожрут в первую очередь – твою дерзость или глупость?

– Прошу! – Она упала на колени, склонила голову, нарочито обнажив шею. Глупо верить, что беззащитная покорность смягчит его решение, но она была готова на все. Иначе для чего тогда жить? Для того лишь, чтобы носить клеймо неудачницы? – Ты знаешь, что никто лучше меня не знает его повадок и никому, кроме меня, не известно о нем столь много. Мы шесть

месяцев делили утробу Единой матери, мы были одним целым до того, как Предтечам было угодно разделить нас.

– И то было их самое верное решение, – отрешенно прокомментировал отец.

Фархи молча проглотила очередную порцию унижения. Сколько бы она ни убеждала себя, что заслужила подобное отношение, но смириться с ним окончательно так и не смогла. Она виновата лишь в том, что вовремя не прирезала мерзавца, который по злой воле Предтеч стал ее братом. В глубине души она всегда подозревала в нем гниль, чувствовала исходящий от брата смрад предательства.

Резким движением отец схватил ее за подбородок, сильно сжал пальцы, заставил смотреть себе в глаза. Фархи очень хотелось зажмуриться, но не от боли, а оттого, насколько пронзительным был его взгляд. Его идеально сконструированные глаза цвета неба в ясный день, казалось, видят ее насквозь. В некотором роде так это и было – лучшие мастера-генетики трудились над глазами одного из Маларисов без малого тридцать лет, прежде чем получили первый опытный образец приемлемого качества. Вдвое больше времени ушло на то, чтобы довести образец до совершенства. Сейчас в глазах отца плескалось нечто гораздо большее, чем воплощенный образчик человеческого гения, они проникали в самое нутро, туда, где покоились самые сокровенные тайны и пороки. Даже те, о которых Фархи давным-давно позабыла.

– Ты – всего лишь выбраковка, Фархи. Мусор на бриллианте, скол, который был необходим лишь для того, чтобы уберечь заключенную в нем истинную ценность. Предтечи умнее нас, потому семя дало два ростка. Один крепкий и сильный, другой – губка, которая впитала худшее и бесполезное. Я думал, моей не слишком умной дочери хватит ума быть благодарной за эту участь.

Фархи стоило больших трудов побороть в себе желание выцарапать его идеальные глаза и воочию убедиться, есть ли за ними хоть что-то от живого человека.

– Твоя ценность сбежала, – огрызнулась она. Злость всегда глушила в ней разум, но сегодня Фархи было особенно приятно спустить ее с поводка. Что еще они могут с ней сделать? Убить? Как будто она когда-то боялась смерти. – И я не слышала, чтобы ищейкам удалось вынюхать след.

Маларис наотмашь саданул ее по лицу. Сила удара легко опрокинула Фархи на спину.

Он неторопливо вложил закладку между страницами, закрыл книгу и изящным движением руки рассеял ее: толстый старинный фолиант превратился в облачко искрящегося тумана. Маларис поднялся. С высоты своего немалого роста на Фархи смотрел один из самых грозных членов Безмолвного совета. Его именем вершились самые страшные приговоры, устраивались самые беспощадные чистки, а порой уничтожались целые поселения. Девчонка у его ног была всего лишь выбраковкой, чья жизнь не стоила даже среза его ногтя.

– Сегодняшняя дерзость – последнее, что ты себе позволила в моем присутствии. Надеюсь, того небольшого ума, который ты одолжила у брата, хватит, чтобы раз и навсегда запомнить – ты иччера, мусор. Еще раз назови меня отцом – и будешь остаток дней коротать в компании гаруспиков. Ты же знаешь, какими аккуратными они могут быть и как долго могут поддерживать жизнь в теле даже после того, как из него вынули все внутренности.

Фархи сглотнула, беспомощно отползла назад. Гаруспики?! Тонкая улыбка разрезала его губы, обнажила заточенные зубы пираньи. Он не шутил, напротив – всем видом давал понять, что не решил, стоит ли оттягивать угрозу.

– Я была... неразумна, Маларис. – Она поднялась, сгорбившись, понутившись, не смея поднять взгляд. После удара челюсть жутко саднило, зубы тонули в кровоточащих деснах. – Это больше не повторится.

Он не удостоил дочь ответом.

Опомнилась Фархи много позже, когда неслась прочь из удушливого плена сада и, не разбирая пути, влетела в самую гущу ядовитых лоз. Хищницы алчно накинудись на неожиданную

гостью, будто та пришла сюда лишь за тем, чтобы стать сосудом для их отравы. Фархи рыдала в голос и остервенело вырывала вошедшие глубоко под кожу шипы, некоторые из которых успели пустить корни. Стыд затмевал все прочие чувства, а боль казалась всего лишь ничтожным отголоском его всеразрушающей махины, которая подмяла под себя Фархи и шинковала на крошечные кусочки.

Она так просто не сдастся.

Она докажет, кто прав.

Хани

Звук слышался отчетливо. И он приближался.

Северянка осторожно высунулась из-за покрытых сверкающим инеем можжевельных ветвей. Стрелу она держала на луке, но тетиву натягивать не спешила. Охота не терпит торопливости, особенно охота на крупную добычу.

Он стоял метрах в пятнадцати – белый олень, с покрытыми ягелем рогами, из-за чего они сделались похожими на корону из снега. Массивная грудь от дыхания мерно расширялась и сужалась; наполненные грустью влажные темные глаза осматривали окрестности. У всех оленей, которых Хани доводилось видеть, глаза были грустными, как будто животные заранее знали, что Изначальный привел их в этот мир для единственной цели: стать прокормом для северного народа. Первого оленя она убила в свою двенадцатую зиму и до сих пор отлично помнила ту охоту. Лук был слишком тяжелым, а она – слишком слабой, чтобы как следует натянуть тетиву. Но за спиной стоял отец, и одно его присутствие вдохновляло на хороший выстрел. Хани не могла вернуться домой без добычи в свою первую зрелую охоту¹. И она все-таки подстрелила того оленя. Рука дрогнула, задела сухую ветку. Олень среагировал на шум и дернулся бежать. Стрела ударила его в бок. Девушка хорошо помнила тяжелую руку отца, когда он угостил ее подзатыльником. «Идти за ним будешь сама», – предупредил он. И она водила раненого зверя до самого заката – глубокий снег обнимал ее ноги, сковывал движения. Олень чувствовал погоню и первое время силился убежать, но рана постепенно лишала его сил. В конце концов, он упал. Хани пришлось перерезать ему горло, но что самое поганое – она заглянула ему в глаза. Дура! В тот день она вернулась с добычей и ощущением смерти в ладонях. С тех пор прошло четыре зимы, а руки все так же помнили ту первую кровь.

Этот олень ее не чувствовал, ветер играл ей на руку. Коронованный рогами, ничего не подозревающий зверь подошел к зарослям краснаягодника и принялся пощипывать подмороженную, покрытую инеем листву. Пару зим назад Хани еще помнила об угрызениях совести, которые нападали на нее всякий раз после удачной охоты. Она чувствовала себя вором, отнимающим самое ценное – жизнь. Но с тех пор многое изменилось, а главное – она повзрослела. Как птица сбросила с себя оперенье детства. Она окрепла и больше не боялась упасть, но и так высоко, как прежде, больше никогда не взлетала.

Хани выжидала. Олень лакомился в последний раз, а желтое солнце, будто желая подчеркнуть величие лесного жителя, раззолотило ему рога. Он довольно быстро расправился с нижними ветками и, чтобы добраться до верхних, задрал голову, будто подставляя шею.

Хани отпустила тетиву, разрешая стреле пропеть смертельную песнь.

– Отличный выстрел! – Тяжелая ладонь грохнула северянку по плечу. Под тяжестью удара она невольно наклонилась вперед. – Горжусь тобой, эрель.

– Сделай так еще раз, Рок, и я никогда больше не возьму в руки лук, – проворчала она, потирая ушибленное место.

Молодой северянин озадаченно поскреб щетинистый подбородок, словно решал, стоит ли воспринимать слова девчонки всерьез или так обойдется. Рядом со своим кетельгардом², высоким и широкоплечим, Хани всегда чувствовала себя незначительной.

– Пойдем, мне пригодятся твои руки.

¹ *Зрелая охота* – своего рода посвящение у северян. До двенадцати лет дети охотятся на мелкую добычу, в основном на птиц и пушных зверей, после двенадцати начинают охотиться на крупную – оленей, волков, медведей и т. д.

² *Кетельгард* – телохранитель.

Разделка туши – дело несложное. Скорее – маркое. Без должного навыка легко перепачкаться в крови с ног до головы, а в зимнем лесу это отличный способ сообщить волкам о своем присутствии.

Убедившись, что олень действительно мертв, Хани позволила Року засучить рукава и выполнить свою часть дела. Их разделяло несколько лет, но среди ровесников он был самым крепким: никто не мог побороть его в Круге. Мудрая говорила, что, когда принимала роды у его матери, собственными глазами видела Разящего, что держал мальчишку за голову. Сам Рок любил при случае и без рассказывать о своем «особенном» происхождении. Хани охотно подыгрывала его хвастовству, отдавая дань старой дружбе и тому, что Рок единственный из трех десятков мальчиков не побоялся стать ее кетельгардом. Даже после того, как она ему открылась.

Рок сделал несколько надрезов, а затем короткими рывками содрал с оленя шкуру. Отложив ее в сторону, приступил к разделке туши. Хани помогала ему, придерживая оленя за ноги.

– Бьери или Астрид? – неожиданно спросил он.

– Рок, не надо.

– У Бьери волосы, как шелк, косы до самой задницы, каждая толщиной в мою руку, – мечтательно нахваливал дочку пивовара Рок, – а у Астрид бедра ладные, даст мне много сыновей.

Он осторожно вывалил груду теплых внутренностей на снег. Затем передал спутнице сердце, почки и печень. Девушка тут же сложила их в наполненный солью промасленный мешок.

– Рок, не надо, – на этот раз жестче повторила она. Ох, Разящий, хоть бы до тугодума дошло закрыть рот. – Не вынуждай меня... приказывать.

– Мы должны были привести помощь. Я должен был, – угрюмо пробасил он. – Должен был зажечь треклятый огонь.

– Ты должен был позаботиться обо мне, и ты это сделал. И сделай милость – поменьше об этом думай.

Рок срезал несколько добрых ломтей мяса с филейной части оленя и вдоль позвоночника, рассовал их по двум мешкам, затем взвалил их на спину. Вот и все, можно выступать. Следовало еще добраться до лошадей, оставленных в густом пролеске примерно в получасе ходьбы отсюда.

Солнце перекатилось за полдень, и Хани хотелось верить, что Разящий не пошлет им наперерез метель, вьюгу или какую другую из своих каверз.

– Прости, эрель, – поглядывая на нее сверху вниз со своего огромного мерина, попросил Рок. – Тяжко мне, а тебе и того хуже.

– Я стараюсь не вспоминать. Так легче.

– А у меня башка бестолковая, сама думает, я ей не указ. – Он с виноватым видом поскреб бритый затылок. – Негодный тебе кетельгард достался, эрель.

– Прекрати так меня звать. Сколько раз уж говорила. – Видя его потупленный в загривок лошади взгляд, мысленно отвесила себе крепкую затрещину. – Прости. Давай просто забудем обо всем, хорошо? Хотя бы пока не будем в безопасности.

Какое-то время они ехали молча. Хобы³ мерно вышагивали в глубоком снегу, хвостами заметая следы. Хани поглядывала на руки, не в силах избавиться от навязчивого запаха смерти. Она усердно вымыла ладони в снегу, проверила, чтобы на коже и одежде не осталось ни капли крови, но близкое присутствие смерти продолжало ее преследовать.

Лес остался далеко за спиной, превратился в еле различимую серую полоску. Вокруг раскинулась слепящая глаза снежная пустыня.

³ Хоб – порода северных лошадей-тяжеловозов.

– Не передумала ехать в Берол? – осторожно спросил Рок, когда они обогнули покрытое прозрачным льдом озеро Крам-да-Гор.

– Нет, – отозвалась она.

Молодой воин угукнул, стараясь хранить бодрый вид, но притворщик из него был скверный.

– Мне не по себе, эрэль... – И тут же осекся под ее строгим взглядом. – Не по себе, Хани. Нельзя тебе к ним. Сама знаешь, что нельзя.

– Знаю. И потому, как только довезешь меня до ворот Берола, будешь освобожден от своих обязанностей. Сможешь ехать, куда душе угодно. Наймешься в дружину к какому-нибудь норену, совершишь подвиг, станешь славным воином и возьмешь в жены первую красотку Кельхейма. А прошлое забудется, как дурной сон.

– За труса меня держишь?

– За друга, – осадил Хани. – Для которого желаю лучшей участи, чем ржавый топор.

– Хватит глупости-то молоть. – В мгновение ока из добродушного увальня он превратился в северного воителя – хмурого, уверенного в каждом слове, которое еще не сказал, и в каждом поступке, который еще не совершил. – Я не для того клялся, чтобы от своих слов отказываться. Куда ты – туда и я.

Хани ожидала чего-то подобного, но все равно оказалась не готова к столь категоричному проявлению верности. Пришлось отвернуться, чтобы спрятать непрошенные слезы.

– Куда ж я без тебя, – отшутилась она. Но взглядом выразила большее.

– А я о чем, – подбоченился Рок и нежно, будто ласкал девичью грудь, погладил оголовье древка притороченного к седлу топора. – Тебя два с фигой вершка, упавшим с ветки снегом пришибить может. Нечего без меня шастать.

Она уже открыла рот, чтобы отшутиться, когда ее внимание привлёк непривычный для этой поры года пейзаж.

Рок тоже его заметил.

– Ручей? – спросил он, будто не доверял собственным глазам.

– Откуда бы ему здесь взяться.

Между нанесенными ветром снежными холмами, петляя в беспорядочном беге, змеилась лента воды. Слишком тонкая и мелководная, чтобы быть речкой, и слишком медленная для ручья. Да и какие ручьи в самом сердце месяца Долгих ночей? Зима только входит в силу, все тепло поджало хвост и сбежало на юг.

– Может, талый снег с гор идет? – предположил Рок.

– Сейчас-то?

Он снова поскреб затылок.

Хани спрыгнула с лошади, передала поводья Року и, осторожно пробуя носком непрочный наст, шаг за шагом подошла к самому ручью. Тот бежал с севера на юг, и вода в нем была мутной. Жеребец Рока заржал, ударил копытом, выбивая из-под снега пожухлую прошлогоднюю траву.

– Нам так и так в ту сторону – поглядим, что за чудо, – решила она.

Чем дальше они шли, тем шире становился ручей и тем больше нервничали хобы. Смирную кобылку Хани будто подменили – она часто пряла ушами, рассерженно фыркала и все время норовила повернуть. Всаднице приходилось проявлять истинные чудеса сноровки, чтобы сдерживать животное. Дурной знак. Хобы не просто так родились в северных ледяных равнинах, они часть Кельхейма; нет таких запахов, которые бы они ни впитывали с молоком матери. И сейчас их что-то тревожит. Что-то, что еще не увидеть, не услышать и не почуять человеку. Оттого и беспокоится животное, показывает упрямому седоку, что самое время остановиться и не лезть на рожон.

В лицо ударил порыв морозного ветра – поднял, завертел в воздухе сверкающие снежинки, обжег кожу.

Хани нахмурилась, глянула на спутника. Тот выглядел удивленным вряд ли менее ее самой. В воздухе явственно ощущался запах гари, а вскоре на горизонт безупречной чистоты напозло рваное облако дыма.

– Лес, что ли, горит, – неуверенно предположил Рок.

Хани посчитала его слова очередной глупостью. В этих краях деревьев родилось так мало, что каждое чтили чуть ли не как самого Изначального. Чтобы поохотиться, приходилось уходить далеко от поселения. Ближайший лес они давно миновали, а впереди лежал лишь Лор-да-Ран – неприкосновенная обитель спящих в вековом льду дравенов⁴. Чтоб растопить хоть малую часть их ледяных одежд, потребуется что-то более значительное, чем забытый костер, пусть даже очень большой. Да и откуда взяться костру, если местные обходят священное место десятой дорогой, боясь без нужды растревожить духов-защитников Кельхайма.

Они взобрались на поросший куцыми елками холм, и взорам путников представилась зияющая черным уродливая дыра в многолетней заледенелой обители. Рваная рана на теле того, что всякий житель Севера считал неприкосновенным и нерушимым, как сама вера.

Над Лор-да-Раном лениво расплзлось черное марево, а из его недр сквозь прожженную брешь, как гной из раны, вытекала талая вода.

– Слышишь? – привлек ее внимание Рок.

Она отрицательно махнула головой.

– И я ничего не слышу, а когда лес горит – треск далеко окрест слышно. И ветер в нашу сторону.

Хани мысленно похвалила кетельгарда за смекалку, которой он обычно не отличался. Однако, как говорят старые охотники, раз в век можно и лань подстрелить из лука без тетивы стрелой без наконечника.

Они переглянулись, осененные одной на двоих внезапной догадкой. Хани лихорадочно завертела головой, высматривая то, что может подтвердить или опровергнуть ее. Полотно снега не хранило никаких следов, кроме тех, что тянулись за их лошадьми.

– Мы только посмотрим – и назад, – быстрой скороговоркой то ли себе, то ли ему пообещала девушка, – ничего не случится.

Рок кивнул, улыбнулся. Истинного сына снега и выюги не нужно уговаривать сунуть башку в бочку с неприятностями.

И все же они оба побаивались. Отсюда до Пепельных пустошей рукой подать. А там и Великий лед, и Край мира. Пустоши кишат людоедами. Время от времени, не в силах больше терпеть их кровавой вакханалии, Пепельные изрыгают людоедов из себя. И тогда худо приходится северным деревням. Иногда шараш⁵ нападают по несколько раз в месяц, иногда пропадают на годы. Они, точно полчища саранчи, обитающей в южных землях, несут с собой опустошение и смерть. Приходят, чтобы вдоволь напиться теплой крови. И все же всегда получают отпор, потому что каждый северянин с детства обучен в случае опасности встать плечом к плечу с соседом и дать бой. Но сейчас, в густом частоколе столетних деревьев, Хани с Роком могли рассчитывать только на себя.

Северянин осторожно, но уверенно оттеснил боком жеребца кобылу Хани, так, чтобы, в случае чего, закрыть спутницу собой и принять первый удар. Хобы с шумом раздували ноздри, яростно хлестали бока хвостами, но шаг за шагом приближали своих седоков к краям обожженной земли. Стали видны обезображенные огнем стволы, снег под копытами лошадей сме-

⁴ Дравены – огромные многовековые деревья, скованные толстой коркой льда. Почитаются северянами как святыня.

⁵ Шараш (северное) – буквально «те, кто едят плоть людей».

нился плотным слоем обугленных веток. Будто злая сила нарочно выстелила дорожку непрощеным гостям.

У самой кромки Лор-да-Рана отчетливо виднелась огромная лужа, почти озеро. Вода здесь была грязная, в ней плавали истлевшие древесные щепки и почерневшая хвоя.

В Лор-да-Ране стояла оглушительная тишина. Лишь копыта хобов хлюпали в вязкой грязи, и от этих звуков Хани становилось не по себе. Рок правил одной рукой, вторую держал на древке топора. Девушка, видя его подрагивающие от нетерпения пальцы, невольно опустила взгляд на свои: тоже дрожат, но вовсе не от азарта предстоящего кровопролития, а от неведения.

Они медленно продвигались дальше, следуя знакам огня. Чем глубже их увлекало любопытство – тем ужаснее становились масштабы беды. Вскоре дорогу перегородили поваленные стволы изуродованных дравенов, пришлось спешиться и вести лошадей в обход. Гиганты, некогда закованные в ледяные доспехи, пали перед неведомой стихией – и это было ужасно. Никогда прежде не случалось подобного. Даже в самых древних легендах и песнях, которые пели ослепшие старики, Лор-да-Ран стоял незыблемо и гордо, не подвластный течению времени.

Хани начала задыхаться от густого смоляного дыма. Она наступила на обглоданную огнем шишку – и та превратилась в пепел, как будто пламя спалило ее за миг.

Рок остановился и привлек внимание спутницы, указав пальцем на рыжее свечение, тлеющее между дравенами.

«Огонь?»

Хани сразу отронила эту мысль. Слишком слабо тлеет, да еще и подрагивает ровно в такт ударам ее сердца. Или так только кажется?

Северяне спешили, привязали лошадей и крадучись пошли на свет. Он привел их на выжженную поляну, чужеродную этому месту, как короста чистому, здоровому телу. В центре поляны зиял рваный, еще дымящийся провал, и что-то именно в его недрах порождало странное свечение. Рядом с провалом, шагах в трех, в стороне, чернеющим чирьем вспухла грязная куча земли, припорошенная намокшим пеплом.

– Огненная звезда, – с благоговейным придыханием сказал Рок.

– И шараша, – добавила Хани, подталкивая носком сапога еще одну находку: грубой работы секиру, состоящую из ржавого топорича, насаженного на костяную рукоять.

Кетельгард быстро заозирался. Хани же почувствовала некоторое облегчение. Людоеды, проказа Северных земель, были здесь, но ушли, иначе давно бы себя проявили. Они опасны в своем вечном голоде, но совершенно лишены рассудка, а потому не устраивают засад и всегда нападают первыми, даже если противник многократно превосходит числом.

Убедившись, что опасности нет, Рок сунул оружие в петлю у пояса и начал аккуратно спускаться в провал, а Хани занялась странной черной кучей в стороне от дыры. Издали она немного напоминала стог гнилого сена.

Действительность оказалась во сто крат страшнее. Лишь страх потревожить покой дравенов удержал Хани от крика. Люди! Человеческие тела, сваленные в погребальный курган. Огонь стер черты их лиц, содрал кожу и оголил кости. Горелой плотью не воняет, над курганом нет дыма. Значит, это случилось не сегодня. Топор шарашей, сгоревшие люди, лесной пожар. Все указывало на то, что людоеды были здесь, сожгли людей и ушли уже после того, как небо уронило в Лор-да-Ран огненную звезду. В противном случае тела бы разметало по поляне.

Но зачем сжигать то, ради чего они существуют? Это против их природы: шараша не умеют добывать огонь, они слишком глупы, чтобы украсть его у людей, и тем более не способны сохранить хрупкое пламя живым. И они не съели добычу, хоть обычно усаживались за трапезу прямо там же, где убивали. Что-то новое в их поведении?

Девушка покачала головой – все это было неправильно. Откуда здесь, в Лор-да-Ране, вообще взялись люди? Чужаки? Возможно. Или кто-то из охотников уходил от погони и попы-

тался укрыться под сенью ледяных гигантов. Так или иначе, но их нагнали. Жаль, теперь не выяснить, кем при жизни были эти несчастные. На телах не осталось никакой одежды, оружия или какого-либо скарба тоже не видно. Видимо, забрали шарашаи.

– Гляди! – Рок триумфально вскинул руку. Зажатый в пальцах кусок камня размером с яблоко залил поляну светом множества факелов. На черном от золы лице Рока появилась широченная улыбка. – Большой какой!

Хани невольно зажмурилась, но даже так смогла увидеть то, чего не видел ослепленный радостью находки спутник.

– Это не огненная звезда, – сказала она, преодолевая ползущий по спине холод. И с трудом подавила дрожь.

– А что же? – Он таращился на осколок, будто действительно мог увидеть разницу.

Хани подошла ближе, протянула руку и удивилась, какой невероятно тяжелой для столь невеликого размера оказалась добыча. Не меньше полного ведра воды, должно быть. Крепкий Рок не придавал этому значения, но она, хилая недоросль, сразу почувствовала разницу.

Как-то давно ее отцу привезли осколок Огненной звезды. Вспоминая ту находку, Хани могла оценить, сколь не похожа она на то, что сейчас лежит в ее руках. Этот больше походил на простой черный булыжник, многогранный и шершавый. Лишь пульсирующее свечение, пробивающееся сквозь тонкие прожилки, делало его необычным. А еще камень в ладони был теплым, и она ясно ощущала биение его невидимого сердца. Не камень будто, а ледяной кристалл, похожий на те, что в бесчисленном количестве выносит на берег Острое море. Впрочем, не ледяной – огненный.

Рок продолжал недоуменно переводить взгляд с осколка на спутницу и обратно.

– Я не знаю, что это, – почему-то шепотом призналась Хани, – но точно не Огненная звезда, Рок.

«Зачем мы нашли это? По воле каких ядвиг⁶ наткнулись на это?»

В ней росла необъяснимая тревога, а вместе с ней ширилось желание выбросить находку обратно в яму и зарыть, чтобы ни одна живая душа не увидела ее свет.

Камень вдруг стал нестерпимо горячим. Он жег кожу, резал глаза своим сиянием. Хани хотела разжать пальцы, но не смогла – они намертво сомкнулись вокруг осколка. Жжение поползло вверх по руке, петлей сжало запястье и нырнуло под кожу, опаливая кровь.

Она закричала, когда невесть откуда взявшийся громогласный шепот ударил в виски, проник в голову, разлетелся бесчисленным эхом. Хани не разобрала ни слова, но без сомнений отрезала бы себе уши, лишь бы больше никогда их не слышать. А потом сквозь туманную завесу агонии проступил силуэт. В клубах дыма его рисовали оранжевые всполохи: резкими штрихами очертили скулы, нос, разрез пустых глазниц. Девушка в отчаянии зажмурилась, но продолжала видеть даже сквозь веки.

Последняя вспышка намертво выжгла лицо в ее памяти.

– Хани! Эрель!

Рок остервенело тряс ее за плечи. Голова северянки болталась на плечах, будто сломался стержень, что удерживал ее все шестнадцать лет. Она отстранилась, попятилась на нетвердых ногах. Запнулась за какую-то ветку, чуть не упала. Взглядом ощупала знакомое и настоящее: лицо своего кетельгарда, лес, выжженную поляну.

– Я снова грезил? – спросила обреченно.

С видом гонца, принесшего дурную весть, северянин кивнул.

– Что ты видела?

– Человека.

⁶ Ядвиг – старшие демонические существа, рожденные от крови Проклятых богов.

«Или дагфари⁷?»

Северянин молча ждал продолжения, но, не дождавшись, решительно сомкнул свои пальцы вокруг ее ладоней, все еще сжимающих камень. Было в этом простом грубом жесте что-то родное и успокаивающее.

– Говори, что делать, – твердо сказал верный кетельгард, готовый по первому приказу своей эрель идти хоть на верную погибель.

«Если бы я знала», – в сердцах подумала Хани.

Сквозь ее пальцы пробивался тусклый пульсирующий свет, еще несколько раз он вспыхнул, будто последний вздох, – и потух. Северян окружил полумрак.

Молодой воин приобнял Хани, точно готовился закрыть ее своим телом от какой-то лишь ему ведомой опасности. В тишине его сердце билось размеренно и глухо, успокаивающе. Хани затолкала страх в самый потаенный уголок себя, спрятала осколок за пазуху, удивившись, каким холодным и легким он вдруг стал, и тронула Рока за плечо.

– Мы должны предупредить.

– Ты уверена?

Хани до боли стиснула зубы. В мгновение ока перед мысленным взором пронеслись ужасы прошедших дней: огонь, крики о помощи, падающие, словно построенные из песка, каменные башни. Лицо брата, на котором испуг пробивался через тщетные попытки хранить мужество. И мать, придерживающая рукой собственный вывороченный наружу живот.

– Если бы нас предупредили... – На больше не хватило сил.

К счастью, Рок понял.

⁷ *Дагфари* – младшие демонические сущности.

Арэн

– Харст бы побрал северную стужу!

Рыжеволосая всадница зябко поежилась и пришпорила лошадь. Тонконогая и быстрая, как ветер, дшиверская кобылка зябла, переступала с ноги на ногу, утопая в выпавшем за день снегу. Искрящийся под ярким солнцем холодный покров простирался на многие мили вокруг. И только линия горизонта едва разбавляла убранство Северных земель редкими зубьями деревьев.

Арэн неодобрительно посмотрел на свою спутницу. Миара, истинная дочь Тарема, знала толк в красивых речах, но за пределами Вечного города брань и проклятия сыпались из нее, словно горох из прохудившегося мешка.

– Лошади дшиверцев не привыкли к снегу, Миара, не мучь бедную скотину своей глупостью, – поджучивал таремку третий всадник.

– Предлагаешь мне спешиться? – съязвила рыжая через плечо. – В таком снегу только вплавь передвигаться. О, боги!

– Или покупать правильных лошадей, – продолжал третий.

– Довольно вам, – спокойно, но решительно осадил Арэн. – Нужно ехать, пока солнце не ушло за горизонт.

Он поровнял своего мерина с лошадью Миары и потрепал испуганную кобылицу по холке. Животное потянулось за рукой, ткнулось ноздрями в грубую кожу рукавицы.

– Она испугана, Миара, и замерзла.

– Я тоже! – Всадница дернула ногой в стремянах, словно собиралась топнуть по полу. – Мы заблудились, ведь так, Арэн? Где тот тракт, по которому до Северных земель три дня пути? Нам следует вернуться и поискать проводника, – решительно, будто все только и ждали ее позволения, заключила рыжая.

– Думаю, уже поздно, – тягучим голосом сказал последний из четверки. Статный и смуглый, будто отлитый из бронзы, он держался позади остальных.

– У нас обязательство, – напомнил Арэн сразу всем.

Он снял тяжелый плащ из просмоленной медвежьей шкуры и накинул на плечи женщины – поверх ее собственного, тонкошерстяного, на кунице, расшитого серебром. Всадница оттаяла лицом, подарила спутнику улыбку благодарности. Арэн никак не отреагировал, проверил лишь, чтобы застежка плаща держалась достаточно крепко.

Он хмуро осмотрел заснеженные просторы.

Несколько дней назад они пересекли границы Кельхейма – Северных земель, как его чаще называли за суровый климат, царивший в этой части Эзершата. О Кельхейме сочиняли множество легенд и небылиц. По количеству они могли соперничать разве что со страшными историями о румийских черных магах и канувшем в Лету великом государстве Шаймерия. В теплых краях, далеких от холода и никогда не знавших снега, ходили слухи, будто кельхи не рождаются из женского чрева, а выходят из ледяных глыб, которые отсекают от айсбергов, плавающих в Остром море. Еще говорили, что северные люди носят вместо плащей свежесделанные кожи диких животных. И что здесь, недалеко от Края земли, всегда царит ночь.

Арэна мало волновали небылицы. Сейчас его беспокоило другое – за последние дни им не встретилось ни одного поселка, ни единой живой души. И ничто не указывало на то, что эти края обитаемы. Куда ни глянь – бесконечная заснеженная пустошь.

Несколько дней назад они наткнулись на отряд закованных в шкурные доспехи воинов, таких огромных, что Арэн чувствовал себя недомерком рядом с ними. Северяне хмурились, то и дело поглаживали свои аккуратные, заплетенные в косы бороны и внимательно слушали,

какая нужда привела чужеземцев на север. Потом указали дорогу до столицы и велели не сворачивать с тракта.

Арэн начинал сомневаться, правильный ли путь указали бородачи.

– Мы заблудились, дасириец, – повторила Миара. – Проклятый снег! У меня ноги коченеют. И насморк. И я, в конце концов, не могу больше сидеть на лошади! У меня зад болит! Если я замерзну тут навеки, знай: ради тебя я бросила очаг и сладкоголосого иджальского кудесника, который языком работал во сто крат лучше, чем ты своими мозгами!

– Тебе нездоровится, госпожа? – вкрадчиво поинтересовался смуглокожий владелец тягучего голоса и, дождавшись ее сдержанного кивка, принялся искать что-то в своем вещевом мешке. Выудив маленький флакончик розового стекла, протянул его Миаре. – Отпивай по глотку, это снимет женский недуг и успокоит буйный нрав.

Тот, что подтрунивал над Миарой, черноглазый Раш, выехал вперед. Он приподнялся в стременах, ощупал взглядом лежавшие впереди земли.

– Там дым, – сказал он, указывая рукой на сизую ленту, убегающую в небо.

– Значит, едем, – за всех решил Арэн.

Погода стремительно портилась. Сыпавшие с утра хлопья снега сменились холодной колючей крупой. Ветер пригоршнями бросал ее в лица путникам, хлестал морды лошадей. Кони ржали, упрямылись, но продолжали идти вперед. И все же порывистый ветер принес и благую весть – аромат жареного мяса, что само по себе приободрило путешественников.

Всадники миновали невысокий холм: за ним, в низкой долине, оказался лесок. Перед первой полосой деревьев виднелся разложенный костер и пара крепких лошадей.

– Хвала Равновесию, – вымученно произнесла Миара. – Когда мой желудок насытится теплой пищей, я сочиню песню во славу их щедрости.

– Я поеду первым, – придержал ее Арэн. – Вы – за мной. Варварские земли, кто знает, как нас примут.

Желающих возразить не нашлось.

Первым, когда до костра оставалось с десяток шагов, Арэн увидел рослого парня. Грубые меховые одежды и топор не самого лучшего мастерства выдавали в нем местного. Парень был высоким и широкоплечим, косиц в его бороде оказалось достаточно, чтобы Арэн не смог их пересчитать. Подъехав еще ближе, увидел и девушку: мелкую, щуплую, с колючим, как мороз, взглядом. Дасириец почувствовал, что и она с подозрением рассматривает его.

Дорогу преградил молодой здоровяк. Он вышел вперед, широко расставил ноги и сложил руки на груди. Сурово оглядел всех четверых.

– Приветствую. – Арэн спешился.

Северянин стоял, как каменный истукан, молчаливый и безучастный.

– Приветствуем в Северных землях, чужестранцы. – Девушка вышла на шаг перед своим спутником. – Кто вы и что делаете в наших краях в такую непогоду?

Она говорила на всеобщем, с резким акцентом и не всегда точно ставила ударения в словах, но Арэн понимал ее.

– Мы путешественники. Нам бы до вашей столицы добраться. Не подскажете верный путь?

– Что южным людям понадобилось в Бероле?

Северянка подозрительно прищурилась, и здоровяк, словно увидев секретный знак, положил на древко топора руку.

Арэн услышал позади себя возню: спутники, «обрадованные» северным приемом, вооружились. В другое время дасириец сам бы проучил тех, кто первым проявил враждебность, но лица обоих местных были слишком юными, чтобы скрещивать с ними клинки. Мало чести в убийстве двух детей, и вряд ли ему захочется рассказать об этом внукам.

– Мы просто заблудились, – подала голос Миара.

Как и северянка, она тоже вышла вперед, умудряясь двигаться изящно, даже дрожа от холода. Арэн видел, как округлились глаза северного великана, как его взгляд жадно ощупал холеное лицо красавицы.

– Величественные воители, что встретились нам на пути, указали эту дорогу и велели никуда не сворачивать. Но потом Скальд принялся вытряхивать свои подушки, и тракт замело снегом. Мы заблудились, ведь просторы Северных земель так велики.

– Стоило заранее подумать о проводнике, – северянка немного смягчилась. Пока ее спутник исходил слюной, как голодный пес, она продолжила: – Мы с Роком едем в Яркую – это в дне пути отсюда. Вы можете поехать с нами, а в деревне нанять проводника до столицы. Если Скальд будет милостив, через десяток дней будете в столице.

– Десять дней?! – Миара обреченно опустила руки и, не дожидаясь приглашения, шагнула к костру. Не снимая рукавиц, подставила ладони теплу и блаженно зажмурилась. – Дасириец, я тебя ненавижу.

Он оставил ее злость без внимания.

– Полагаю, мы договорились, – подытожил Арэн. – Мы отблагодарим вас.

Северянка пожала плечами. Судя по любопытному взгляду, спутники позади него интересовали девчонку больше, чем золото.

– Меня зовут Арэн из Шаам. Моя спутница – Миара даро-Эриат, дочка Четвертого магната Тарема. Это, – он перевел взгляд на иджальца, – иджальский врачеватель Банрут. И Раш – мой названный брат, – указал на третьего.

Бронзовокожий Банрут почтено приложил ладонь ко лбу и склонился в поклоне. Раш ответил северянке ее же изучающим взглядом.

Северянка тоже назвалась:

– Я – Хани, это – Рок. Присаживайтесь к костру. – Она взглянула на небо. – Пока Скальд так усердствует, нет смысла ехать дальше. Только лошадей загоним. Нужно ждать.

– Позволь спросить, ясноокая госпожа, – обратился Банрут, как только привязал жеребца к дереву, – как ты и твой воинственный спутник собираетесь встречать ночь? Я не вижу поблизости селения или другого подходящего места.

– Там, – Хани махнула в сторону леса. – Днем лучше не тревожить духов-охранников, а на закате я задобрю их подношением, и нас пустят переночевать.

– Дикий народ, – едва слышно пробубнил Раш, а громче спросил: – Охотиться, стало быть, тоже нельзя?

Хани отрицательно качнула головой, а Арэн переспросил:

– С каких пор ты стал охотником, Раш?

Рок, с трудом оторвав взгляд от Миары, показал на сумку, что лежала недалеко от костра.

– Там солонина, сыр, ржаные лепешки и бурдюк с огненным бри. Разделите с нами хлеб.

Путники расположились вокруг огня, насытились теплой пищей, и завязался разговор. Арэн удивился, узнав, что обоим северянам нет и двадцати. Если Хани примерно выглядела на свои шестнадцать годков, то огромный Рок казался по меньшей мере лет на пять старше. На его скулах, покрытых темной щетиной, виднелись ровные полосы коротких, будто специально нанесенных шрамов. Рок сказал, что это отметки его побед.

– Все будут знать, что я храбр и силен, – не без гордости заявил северянин, а Арэн подумал, что не заметить это сложно даже без отметок.

Когда разговорились и выпили, Рок принялся хвастать: то он в одиночку вышел против десятерых, и в том поединке его даже не ранили; то своими руками задушил медведя. Но больше всего жарких разговоров разгорелось вокруг убийства ледяного тролля. За него, по уверениям северянина, он получил право вплести в бороду еще две косы.

– Детеныша тролля, быть может? – наигранно сочувствуя, поддержнул Раш. – Боюсь, даже такому смельчаку зрелый тролль не по зубам.

Рок дернулся, свирепо выкрикнул что-то на своем языке, но Хани успокоила его парой коротких резких фраз. Раш сложил губы в ухмылку и потянулся за очередным куском сыра. В отличие от остальных, к вину он даже не прикоснулся.

День катился к вечеру. Когда на небе появились первые звезды, Хани попросила засыпать огонь снегом. Потом Рок оттеснил остальных назад и загородил к девушке дорогу. Северянка скинула плащ, бросила на него рукавицы, затем глубоко вздохнула, потряхнула головой, разбросав по плечам густую копну из толстых белоснежных кос. На некоторых из них висели фигурки зверей и птиц, кольца, костяные и деревянные бусины, пучки перьев.

– Она особенная девочка, да, Рок? – как бы между прочим спросила Миара.

– Не твоего ума дело, – пробасил тот и тут же виновато, будто нашкодивший ребенок, улыбнулся красавице. – Хани сделает, что надо. Она умеет.

Тем временем Хани опустилась на колени прямо в пушистый, девственно чистый снег и громким шепотом нараспев принялась произносить какие-то непонятные слова. Она медленно раскачивалась из стороны в сторону, словно ее тело стало мягче горячего воска. Волосы разлетались в стороны, зашевелились подобно змеиную клубку, тело окутала тусклая дымка поднявшегося снега. Неожиданно голос северянки стал громче, мгновение – и она раскинула руки, словно собиралась взлететь. Деревья качнулись, стряхивая снежные шапки, и снова замерли.

Стало пронзительно тихо.

Хани достала бурдюк с вином и разлила немного на снег, приговаривая что-то себе под нос.

– Духи пустят нас переждать ночь, – сказала она, когда рубиновые капли растворились на снегу, будто и не было их.

Между деревьями снег лежал вдвое тоньше, а кое-где даже проглядывала пожухлая с осени трава. Лошади охотно ошипывали островки лакомства. Хани шла пешей позади остальных. Время от времени останавливалась, срывала с кустов мороженые ягоды и прятала их в мешочки, привязанные к широкому поясу с крупной бронзовой пряжкой.

– Здесь разобьем лагерь, – сказал Рок.

Они остановились на небольшой полянке, словно специально подготовленной невидимыми хозяевами леса. Снега здесь не было совсем, и места оказалось ровно столько, чтобы расположиться всем путникам.

– Костер разводить нельзя, – предупредила Хани. – Ночью на охоту выходят твари пострашнее волков и медведей. Лучше не привлекать их внимание.

Было решено дежурить по очереди. Первым заступил Рок. Он прислонился к стволу дерева, обнял топор, словно любимую девушку, и уставился в пустоту перед собой.

Раш

Он услышал шорох раньше, чем открыл глаза.

Раш не спешил подниматься. Только чуть приоткрыл веки и прислушался.

Шорох повторился. Негромкий и размеренный. Как будто крадется кто-то небольшой, изо всех сил старается остаться незамеченным, но и остановиться не может. Раш потянулся за одним из кинжалов, который по старой привычке клал под голову всякий раз, когда доводилось ночевать под открытым небом.

Когда северянин просидел свое время караула, его сменил Арэн, потом – Миара, которая все жаловалась, что не может спать на земле. Видимо, сон все же сморил ее, подумал Раш, раз таремка не подняла переполох.

Он слегка приподнял голову. Тут же его руки коснулась ладонь беловолосой девчонки. Она тоже не спала. Выразительно посмотрев на Раша, чуть сильнее сжала пальцы. Раш прекратил попытки подняться, уставился на северянку. Странные, то ли розового, то ли фиалкового цвета глаза закрылись. Она даже не шевелилась.

«Уснула, что ли?» – мысленно ругнулся Раш и в тот же миг почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев.

Проклятие! Значит, он не ошибся. Чутье, харст его задери, никуда не делось, хоть оно так давно напоминало о себе, что он успел о нем позабыть.

Он скосил взгляд, стараясь не пропустить ни шороха, ни звука. В ладони девушки подрагивал клоч черного тумана – он струился между пальцами, точно живое существо. И рос буквально на глазах.

Хани перекаtilась на живот, дальше от Раша, который тут же вскочил, низко прижимаясь к земле и балансируя на широко расставленных согнутых ногах, как заправский акробат. В руке оскалился кинжал.

Из земли, в шаге от пяток спящего иджальца, торчал пучок длинных стеблей. Вечером их там не было – Раш отлично помнил. Часть их стелилась по земле, часть поднялась в человеческий рост, слегка покачиваясь, будто водоросли в стоячей воде.

– Изначальный милостивый! – завопил резко проснувшийся Банрут.

Хани шикнула, но поздно. Стебли встрепенулись, метнулись к ногам иджальца, оплетая их так стремительно, что Раш и глазом не успел моргнуть.

– Корень! – выкрикнула Хани и тут же швырнула туман из ладони в самое сердце растения.

Несколько коротких стеблей успели перехватить темный сгусток: послышалось шипение, вслед за которым на землю стек зеленый студень.

Банрут пытался сопротивляться, ему даже удалось перевернуться на живот и обхватить ствол, но странное растение не собиралось уступать. Уцелевшие стебли сдавливали и сковывали тело врачевателя, поднимаясь все выше по его рукам и ногам. Растение росло прямо на глазах, становилось больше, и из его середины вытягивались все новые отростки. С хищным свистом они рассекали воздух, словно зеленые кнуты.

Раш рванулся к жрецу, уклоняясь от лиан, которые стремительно потянулись к нему, преграждая дорогу. С каждым мгновением место ночевки все больше походило на зеленую паутину, готовую поймать каждую двуногую муху.

– Рок, корень! – кричала северянка.

Для Раша все крики слились в один нескончаемый отвлекающий гул. Он сосредоточился на Банруте: зеленый стебель уже добрался до шеи иджальца, сдавил ее удавкой, в то время как другие деловито оплетали тело. Врачеватель уже и двигаться не мог.

Раш увернулся от одной лианы, нырнул под следующую. Над головой раздалось шипение: огромный отросток, толщиной с руку взрослого мужчины, метил как раз в него. Раш уже приготовился обороняться, когда в растение ударил черный сгусток. Отросток зашипел, скукожился и рассыпался пеплом. Мысленно поблагодарив девчонку, Раш подскочил к иджалцу и полоснул кинжалом по тугой змееподобной лиане. Та забилась в конвульсиях, и только теперь Раш увидел крошечные отверстия вдоль всего стебля, из некоторых торчали длинные перепачканные в крови шипы. Хрипящий иджалец, жадно глотая воздух, отчаянно пополз прочь.

Раш крутанулся, ловко ушел от очередного удара, но следующий достал его. Острые жала полоснули по щеке. Тут же, словно из-под земли, вынырнула Миара. У нее была всего лишь короткая сабля, но Раш помнил, как ловко таремка научена с ней «танцевать». Они переглянулись: Раш заметил легкий кивок влево. Не раздумывая, он тут же бросился в противоположном направлении, открылся, будто ненароком позабыл о защите. Лиана метнулась следом – и таремка с громким: «Ах ты ж сраная тварь!» скосила ее тремя футами прославленной красной стали. Выглядела Миара, что та мегера: взъерошенная, всклоченная, со сверкающими глазами. И материлась так, что корабельным крысам поучиться.

– Помоги Банруту! – бросил Раш и, стараясь не думать о боли, сводящей скулы, побежал к остальным.

Рок и Арэн бились весьма успешно, прикрывая друг другу спину. Одновременно оба медленно, но верно продвигались к уже успевшему одревенеть основанию странного растения. Вокруг того бугрили землю узловатые крепкие корни. На самых толстых стеблях зияли отверстия, и торчащие из них шипы были не короче кинжала в руке Раша. Северянин громко выкрикивал что-то на своем языке, скорее всего ругательства, отчаянно размахивал топором, лихо отсекая ползущие к нему лианы. Арэн берег силы: прикрывался щитом, а мечом орудовал, словно ножом – короткими быстрыми ударами шинковал растение, словно хозяйка зелень в салат. Он молчал, как всегда во время схватки, и даже не поморщился, когда на его плечи обрушилось сразу несколько ударов. Сквозь меховой жилет проступила кровь, но Арэн будто утратил способность чувствовать.

Позади пары бойцов, стараясь держаться на расстоянии от мечущихся стеблей, стояла Хани. Она прямо из воздуха выхватывала туманные сгустки и швыряла их. Кровь обильно текла из ее носа, глаза из сиреневых стали темными, почти черными.

Дура! Она хоть понимает, что делает? К чему прикасается?

Раш рванулся к тому месту, где спал, чуть не попал в силки двух стеблей, переплетенных петлей. Схватил вещевой мешок, не глядя, прекрасно помня, где и что лежит, выхватил запечатанную глиняную флягу.

– В сторону! – как можно громче закричал он.

Сам не понял, кому крикнул – на пути извивались лишь смертоносные лианы. И вот они-то на окрик среагировали молниеносно. Атаковали слаженно, густо, ощерившись иглами-кинжалами. Раш метнулся в сторону, перекатился через плечо, вскочил на ноги и резко замахнулся. Длинное жало ударило в бедро, отчего нога почти тут же онемела. Но дело уже было сделано: глиняная фляга угодила akurat в основание растения, в самое переплетение корней. Огненное зарево вспыхнуло слепящим шаром, подобно маленькому солнцу опалая все вокруг. Стебли забились в агонии, заматались в пожирающем их пламени. Они скукоживались и опадали так же быстро, как только что росли.

– Пустили переночевать, – зло выплюнул Раш.

– Что это было? – воскликнул Рок.

Раш лишь усмехнулся – оказывается, и чужаки могут удивить великого воина севера. Неожиданно его качнуло, повело. Раненая нога подогнулась. Раш попытался удержать равновесие, но мир перед глазами почему-то поплыл, закачался. Рядом что-то кричали, о чем-то спрашивали, но звуки стремительно отдалялись, тонули в вязком воздухе. Затем рядом что-

то хлопнуло, свет моргнул и ненадолго погас. А спустя мгновение Раш понял, что лежит. Он попытался встать, но при малейшем движении в глазах темнело слишком быстро.

– Он истекает кровью! – отчетливо услышал голос Миары.

И снова звуки погасли.

Стало очень холодно, точно в ледяную воду бросили.

– Лежи, мой друг, – из холодной бесконечности прозвучал голос Банрута.

– Ты живой? – Раш едва мог говорить, губы сделались сухими, слова липли к ним, так и не родившись.

– Твоими заботами, – уже совсем глухо ответил иджалец.

Хани

– Вам нужно уходить, – торопила Хани, – духи недовольны.

– Недовольны кем? Нами?! Ваши духи хотели нас убить! – со злобой выплюнула Миара. Она придерживала голову впавшего в забытие Раша, пока Банрут перетягивал ему ногу кожаным ремнем. – Мы защищались! Или нужно было дать этому сорняку сожрать себя, чтоб не расстраивать ваших сраных духов?!

Северянка не слушала. Она поторапливала остальных, то и дело посматривала вверх. Времени оставалось совсем мало. Внешне еще ничего не произошло, но она чувствовала злость духов-охранников. Хани подозвала Рока, отвела его в сторону.

– Ты должен вывести их из леса, – стараясь говорить как можно тише, произнесла ему на родном языке. Наверняка кто-то из чужаков владеет северным наречием, ни к чему им знать, о чем они говорят. – Езжайте скорее. Держитесь подальше от леса. Времени совсем нет, людей нужно предупредить.

– А ты? – нахмурился Рок.

– Я останусь здесь столько, сколько понадобится.

– Никуда я без тебя не поеду.

– Поедешь, – приказала Хани. – Сейчас ты мне не помощник. Духи не тронут меня, – она снова посмотрела вверх, – по крайней мере, больше, чем я заслуживаю.

– Ты не виновата! – Голос Рока стал резким, в глазах плясала ярость. – Давай оставим того чужестранца, пусть сам задабривает защитников.

– Тебе приказывает твоя эрель, кетельгард! – жестко и холодно отрезала Хани. – Ты дал клятву служить мне и подчиняться беспрекословно. Я велю тебе отвечать головой за чужестранцев и предупредить деревенских. И, Рок... берегись. Не хуже меня знаешь, что шараша надолго не оставляют своих ловушек без присмотра.

– Но ведь ты...

– Я приказала. Или мне, быть может, поискать другого кетельгарда?

– Как скажешь, эрель, – сдался Рок. – Я буду ждать тебя в «Медвежьей лапе». И не сдвину с места, пока не увижу живой.

Хани с благодарностью улыбнулась. Его упрямство подчас изматывало ее, а иногда давало надежду на благоприятный исход.

Она повернулась к остальным.

– Рок отведет вас в Яркую. Там о вашем друге позаботятся. Но ехать нужно быстро.

Когда сборы закончились и так и не пришедшего в себя Раша иджалец взял к себе на лошадь, Хани перевела взгляд на Арэна. Не похоже, чтобы дасириец собирался с остальными.

– Я остаюсь с тобой, – просто сообщил он. – Не знаю, что тут за беседа у тебя с духами, но мы тоже виноваты, так что подожду и посмотрю собственными глазами. Надеюсь, твой друг доставит моих товарищей в целости и сохранности.

– Глупец... – тяжело вздохнула Хани.

– О, боги! Все тут, что ли, ума лишились?! – простонала Миара и первой поехала вслед за Роком.

Когда всадники скрылись в деревьях, Хани вновь уставилась на Арэна. Тот выглядел совершенно спокойным и уравновешенным, только меч держал наизготовку, в этот раз длинный, черной стали, с тяжелой рукоятью. Девушка попыталась вспомнить, что еще за оружие нес его тяжело нагруженный выучный конь, но не смогла.

– Скажи мне, что это было за диковинное растение? – спросил чужестранец, осматриваясь.

– Ловушка шарашей, – ответила Хани.

– Шарашей?

– Людоедов. Тварей, что приходят из Пепельных пустошей. – Она указала на север. – И не знают ни боли, ни усталости, ни пощады. Знают лишь голод.

Ветер гневно загудел в кронах.

«Пора, нельзя больше тянуть».

Северянка бросила плащ на снег, сняла варежки, отложила в сторону пояс. Немного помедлив, выразительно глянула на Арэна, пока тот не догадался отвернуться. Только после этого расслабила шнуровку мехового жилета – сбросила и его. Последними сняла штаны и сапоги. Оставшись в простой полотняной рубашке и нижних полотняных же штанах, опустилась на колени.

– Эти людоеды – часто они проверяют свои ловушки? – донесся вопрос Арэна.

– Шараша никогда не бросают их надолго, – Хани коченела с каждым вздохом, но из последних сил старалась говорить ровно. – Рок поведет твоих друзей через замерзшее озеро – они сократят путь.

– А чего стоит опасаться здесь нам?

– Всего, – коротко ответила она.

Воздух завибрировал. Деревья склонились кольцом вокруг них, застили небо ветками, будто плели темницу для непрошенных гостей.

– Что делать мне? – в голосе чужака звучало напряжение.

– Не мешать. И отойди... туда, к деревьям. Духи не должны тебя увидеть – только меня.

Хани только раз проводила обряд упокоения. То было частью древнего обучения: обряд, который теперь чтили лишь из уважения к предкам и их колдовству. Древнее нээрийское мастерство повелевать природой, слышать духов и говорить с ними было давно утрачено. Уже много веков дети Севера рождались глухими и немыми к старинному колдовству, некогда прекрасному, но отравленному Проклятой Шараяной. К счастью их матерей. Ни одной северянке не хотелось иметь ребенка с порченной меткой Разрушения. Потому что участь его была незавидна и ужасна.

«А что духи сделают с тем, кто преподнесет им себя?» – когда-то спросила она наставницу. На что та хмуро ответила: «Будут терзать его дух, пока не насытятся».

Хани мелко дрожала. На миг в голове появилась малодушная мысль о побеге. У нее сильная и выносливая кобыла, она скачет быстрее ветра и...

Северянка обхватила себя за плечи и до боли впилась ногтями в кожу. Даже сквозь ткань рубашки почувствовала, что расцарапала себя до крови. Боль отрезвила. Хватит уже малодушничать, хватить убегать. Она – северянка, она – фаяри, а не трусливая девчонка шестнадцати зим от роду.

Хани часто слышала голоса Ушедших. Иногда во сне, иногда посреди бела дня. Они приходили, когда хотели, и говорили, что хотели. Сейчас, когда духи-охранники готовились получить справедливую плату за то, что их обитель потревожили и предали огню, голоса хлынули в нее бесконечным потоком слов. Хныканьем маленького мальчика, стоном старой женщины, голосами воина и юной девы – они призывали не сдаваться и помнить, кто она.

«Я смогу, смогу...» – мысленно отвечала Хани.

Холодный морок обнял ее и опустился на плечи непосильной тяжестью.

Воздух стал тягучим, завоняло свежей кровью и гнилью. Девушка расслабилась, давая духам ощупать ее. Она не видела их, но знала – они здесь, рядом, тянутся к живой плоти. Чтобы не закричать, закрыла глаза и нашла утешение в мире собственных грез. К горлу подступила противная липкая тошнота. Голова закружилась, когда обожженной холодом кожи коснулись призрачные ледяные когти.

Она не помнила, не могла бы сказать даже приблизительно, сколько времени продолжалась вакханалия. Они жадно насыщались ее жизнью, не оставляя следа, терзали плоть невидимыми когтями.

димыми клыками. Хани молчала сносила боль, хотя чувствовала – с каждым прикосновением силы ее покидают.

«Что станет с человеком, которого выпьют без остатка?» – спросила она хмурую наставницу. «Он лишится души. Но помешать духам насыщаться – значит обречь себя на смерть еще более ужасную. Духи не любят строптивых – они заберут труса с собой, чтобы вечно пытаться его, а священное место лишат своего покровительства».

Когда все кончилось, Хани даже не попыталась подняться: тихонько легла, не в силах справиться со слабостью.

– Прав был Раш, – со злостью раздался над головой голос чужестранца, и крепкие руки подхватили ее, будто легкое перышко. – Дикая страна.

– Деревья... – прошептала Хани. – Деревья расступились?

– Расступились, – ответил чужестранец.

– Хорошо.

– Дикари, – снова заругался дасириец. Потом закутал свою ношу в плащ, словно ребенка, и усадил на спину своего коня.

Он отошел и вернулся уже с ее вещами. Спешно, довольно неумело, накинул на Хани ее жилет и сапоги. В другое время северянка не дала бы мужчине дотронуться до себя – это считалось позором. Только муж, получивший разрешение предков и Мудрой, мог видеть свою женщину раздетой. Но она чувствовала невероятную слабость, и желание скорее согреться перевесило стыд. У нее не хватило сил даже на слова благодарности, но Арэн, похоже, и не ждал ничего такого. Он вообще только хмурился.

– Ты бы здесь замерзла. Чем только думала? – Дасириец нахлобучил шапку ей на голову и сел сзади.

От него пахло дымом и кровью. Хани зажмурилась.

Они выехали из лесу. Лошадь Хани послушно шла позади, Арэн перевесил на нее часть своей поклажи.

– Они будут ждать нас в «Медвежьей лапе», – сказала Хани, согревшись. – Рок упрямый. Раз сказал, что никуда не поедет, пока я не вернусь, так и будет.

– Мы их нагоним еще в дороге. Скажи, кто или что это было в лесу? Зачем ты осталась?

– Духи. Мы осквернили их гостеприимство. Нужна была жертва, чтобы успокоить. Иначе бы погибли все.

Чужестранец пробурчал что-то неразборчивое.

– Это... – Хани закашлялась, вывернувшись и выплюнула в снег алый сгусток. – Шаманская магия. Скажешь о ней кому – и мне отрубят голову.

– Магия? – Северянин окинул ее недоверчивым взглядом, словно решал, говорит она правду или умом тронулась. – Магии во всем Эзершате уже много веков нет.

– Так и есть, – согласилась она. Как ему сказать, что здесь, так близко к Краю мира, все устроено не так, как по ту сторону Когтей льда? И надо ли говорить? Поймет ли, что ради их спасения она сделала то, что поклялась никогда в жизни не делать? Дала кровавый нерушимый обет – и нарушила его. – Зачем вам в столицу, чужестранец?

– Дело есть к вашему Белому сьеру, – уклончиво ответил он.

– Стало быть, ты какой-то важный воин у себя на родине, раз думаешь так запросто попасть к нашему правителю.

– У меня важное дело. А тебе-то что?

Она уже открыла рот, чтобы сказать, но снова зашлась кашлем. Во рту стало солоно, в уголках рта собралась липкая слюна, отчего-то со вкусом пепла.

– Поспи, – приказал Арэн. – После поговорим.

– Мы можем друг другу помочь, чужестранец, – одолеваемая сном, пробормотала она.

Последнее, что Хани помнила – как рука чужестранца, словно ребенка, подбивала ей плащ чуть ли не под самый нос. Чтобы не мерзла.

Когда она открыла глаза, лошадь продолжала идти спокойным шагом.

– Где мы? – Хани отстранилась от уютного плеча. В лунном свете на снегу была четко видна дорожка следов, оставленная несколькими всадниками. – Хлебом пахнет, – сказала, обернувшись, мысленно смакуя аромат свежей сдобы.

Воин выглядел на удивление бодро. Судя по начавшей алеть кромке горизонта, она проспала несколько часов.

– За нами кто-то идет, – сказал дасириец. – Я еще у озера почувствовал.

– Мы перешли озеро?

– Где-то с час назад.

– Я никого не вижу, – как-то неуверенно сказала она.

– Я тоже.

Девушка не видела, но чувствовала, как он хмурится.

– Мы почти приехали, я должна пересесть.

– Если ты отдохнула, нам лучше поспешить, – предложил дасириец, когда она, приведя себя в порядок, взобралась на свою кобылу.

– Обо мне не беспокойся, – ответила Хани. Она снова почувствовала дыхание холода – надо поесть, иначе неоткуда взяться силам. Но жаловаться чужестранцу – никогда, лучше откусить себе язык.

Арэн

С рассветом они выехали к небольшому поселению. Обнесенное острым частоколом и мешками с камнем, оно укромно пряталось между холмами, в низине. Ароматы домашней еды пьянили почище молодого вина. Желудок дасирийца громко заурчал.

У ворот северянка спешила и попросила о том же Арэна.

– Кто такие? – на всеобщем недовольно спросил один из дозорных – грузный мужчина в тяжелой шапке с густым меховым ободом. Суровости его виду прибавляла тяжелая дубина, окованная тремя железными шипастыми скобами.

Арэн считал дубину оружием варваров: она тяжелая и грозная, но воин с ней неповоротлив. Разглядывая дубины в руках северян, он не мог не признать пользы острых шипов. Опустись такая на голову – и та треснет, как переспевшая тыква. Впрочем, даже без шипов оружие вряд ли оставит голову целой.

– Я Хани, – представилась девушка и нарочито трянула головой, выжывая звон из побрякушек в косах. – Этот, – она кивнула на Арэна, – чужестранец, едет к нам с юга. Его друзья выехали вперед, они ждут нас здесь. С ними был мой кетельгард – Рок. Мы едва не угодили в ловушку шарашей, потому разделились.

– Правду говоришь, – кивнул воин. Он продолжал рассматривать девчонку так, словно ожидал, будто та бросится на него с голыми руками. – Какого ты рода, эрель?

– Говорить об этом я буду с Мудрой, – ответила она.

Перемены в ее голосе пришлись Арэну не по душе. Несколько часов назад она была хмурой соплячкой, которая по собственной воле едва не отдала Извечному душу. Теперь же неожиданно превратилась в холодную северянку, которая смеет спорить с двумя здоровыми лбами, не обремененными великим умишком. Оставалось надеяться, что боком это не выйдет.

– Милости просим в Яркую, эрель. – Подумав, северянин сделал знак своим, и заслон подняли.

– Отведите чужестранца к его друзьям, а мне покажите дорогу к Мудрой.

– Мудрая нынче в Мире снов, – покачал головой бородач.

Северянка вздохнула и нервно потербила один из амулетов в косах.

– Тогда отведите меня к старосте.

– Это можно.

Она посмотрела на Арэна, но будто куда-то сквозь него.

– Мы еще поговорим, чужестранец, – сказала северянка, но особой уверенности в ее голосе не было. – А пока следуй за мной.

Арэн мысленно пожал плечами. Особого дружелюбия он и не ожидал встретить. Не гонят – уже хорошо.

За частоколом торопилась деревенская жизнь. Приземистые бревенчатые дома были разбросаны без порядка, будто грибы на поляне. Из раскрытых дверей густо валил пар, его серые клочья тянулись вверх и пачкали небо. Пологие крыши покрывали шапки снега, из-под которого проглядывал бурый мох.

Здесь не было улиц, только посыпанные толченым камнем дорожки между домами. В центре Яркой располагилась жаровня, выдолбленная прямо в земле и любовно выложенная камнем. Вокруг нее на набитых чем-то мешках сидели пожилые женщины: кто-то дремал, пригревшись у тепла тлеющих углей, кто-то раскуривал трубку, кто-то рассказывал горстке чумазых детишек сказки. Козы и овцы расхаживали без привязи, свободно, и свободно же гадили прямо себе под ноги. Местные коровы были меньше своих южных родственниц, но крепче и в густом, ниспадающем до земли мехе.

Завидев незнакомцев, жители переставали сновать по своим делам. Они даже останавливались, чтобы поглазеть на чужаков. Арэн никогда не любил излишнего внимания. Он стиснул зубы и покорно следовал за бородачом и Хани. У очага та остановилась, в почтении склонила голову, после чего протянула одной из старух набитый кисет размером с кулак. Пока они обменивались фразами на своей речи, которую Арэн почти не понимал, его обступила детвора.

– Большой меч, – сказала самая мелкая девчушка. Она подтерла сопливый нос рукавом овчинного тулупа и ткнула Арэна пальцем.

Это движение будто послужило сигналом для остальных: малышня налетела на дасирийца, чуть не повалила на землю. Арэн позволил пощупать свои доспехи, поглазеть на меч, погладить коня и даже усадил одного мальчугана в седло. Дасирийские семьи считались скудными, если в них не было десятка детей. Его собственная не была исключением: сколько Арэн себя помнил, в Небесной скале детвора была всегда, всякого возраста. Когда он отправлялся на север, третья жена его отца как раз разродилась близнецами.

– А ну, кыш отсюда! – прорычал бородач – и малышня с громким писком рассыпалась прочь. – «Медвежья лапа», – он указал на двухэтажное здание впереди. Насколько дасириец успел заметить, оно было единственным двухэтажным строением на всю деревню. Туда и направились. У коновязи вертелся паренек лет десяти, которому девушка передала поводья своей лошади. Арэн последовал ее примеру.

– Здесь наши дороги расходятся, – сказала северянка. – Прощай, чужестранец.

– Мы еще увидимся?

– Возможно. Я загляну сюда. Позже.

За широкой дверью его встретил запах жареного окорока, моченых огурцов и долгожданное тепло. В маленьком зале ютились длинные столы и укрытые шкурами скамьи. Одну стену подпирала кованая подставка с бочками, другую – широкая, почти пустая поленица. Сами стены были украшены довольно грубой работы вышивками, гобеленами, а также рогами: некоторые из них сошли бы за лосиные, но с какого зверя сняли остальные, втрое больше лосиных, с острыми, как наконечники пик, концами, Арэн мог только догадываться. В дальнем от входной двери углу, занавешенная цельным куском шкуры, пряталась арка. Судя по всему, именно там, за пологом, находилась кухня.

За столом ближе к окну сидели его друзья в компании Рока и нескольких северян. Арэна они пока не заметили.

Дасириец с облегчением вздохнул. Пусть они с Хани все время ехали по их следу и ничто не давало повода думать о несчастье, он всю дорогу беспокоился, все ли в безопасности. И все ли живы.

– Добро пожаловать в «Медвежью лапу». Зовут меня Эрб, не побрезгуйте моим гостеприимством, – поприветствовал его хозяин – невысокий, в отличие от большинства встреченных северян, худощавый, с цепким взглядом. Он был безбородым, но на небрежно выбритой щеке виднелся кривой шрам. Бегло покопавшись в памяти, Арэн решил, что за время недолгого путешествия по Кельхейму, впервые видит безбородого мужчину.

– Приветствую, Эрб, – поздоровался он в ответ. – Пусть огонь твоего очага не погаснет.

– Пусть тебя обходят невзгоды, – отвечал ему хозяин. – Надолго в Яркийю?

– Переночевать и завтра обратно в путь. Я приехал вон с теми путниками. – Он указал в сторону стола.

Последив направление, мужчина закивал: мол, уже знаю, предупредили.

– Принеси мне чего-то горячего, почтенный Эрб. И выпить. Я зверски замерз.

Чтобы прибавить веса своим словам, вложил в ладонь трактирщика целый лорн. У того аж глаза заблестели.

– Мясо я люблю зажаренным до хрустящей корки.

– В лучшем виде исполню, почтенный господин.

Дасириец было повернулся идти за стол, как на него налетел Рок. Северянин наконец-то продрал глаза и увидел вернувшегося в одиночестве чужестранца. Грозно сверкнув глазами, попытался схватить того за грудки, но Арэн успел вывернуться и сбил с парня спесь поучительным тычком в плечо. Опешивший Рок часто заморгал и уселся на ближайшую лавку. Арэн с удовольствием преподавал бы северянину урок вежливости, но решил не тратить времени зря. В Северных землях царило варварство, и местные не утруждали себя ни извинениями, ни хорошими манерами: они громко стучали кружками, вознося хвалу Скальду, бросали кости прямо на пол, сморкались в ладонь и клали оружие подле себя, на стол. Вряд ли мальчишка понимает, что протягивать руки к высокородному дасирийцу так же неразумно, как класть голову в пасть медведь-шатуну.

– Хани пошла к местному старосте. Если знаешь, где это, ступай туда.

– Так она... живая?

На миг Арэн подумал, что мальчишка обмочится от радости, но тот лишь хватанул себя по колену, вскочил – и был таков.

Миара, как всегда, блистала. Может, она и смотрелась несколько нелепо в этой медвежьей берлоге, нарядившись в роскошное атласное платье, с высокой прической и тяжелым черепаховым гребнем, что поддерживал рыжие локоны, но все мужские взгляды принадлежали ей. И, как все женщины, она чувствовала себя королевой, получив сразу столько восторженных поклонников.

– Рад видеть, что вы в порядке. Все, – добавил Арэн, оценив довольно бледного, но сидящего самостоятельно Раша.

Его щека еще хранила белесые следы атаки лианы, но в целом выглядел он неплохо.

Арэн уселся за стол, прислонил меч к стене, за что тут же получил насмешливый взгляд одного из бородачей за их частью стола. Дасириец еле заметно нахмурился, но меча не тронул. Он чтит чужие традиции, но не изменял своим правилам: стол – место для трапезы, и оружию, обогренному кровью, на нем не место.

– Мы хотели остановиться и дождаться вас, – за всех ответил Банрут. – Но Рок торопил.

– И правильно делал, – согласился Арэн. – Половину пути меня не покидало чувство, что за нами крадутся тени. Сколько раз оглядывался – никого. Но готов биться об заклад, кто-то шел за нами след в след.

Банрут искоса бросил взгляд на веселящуюся Миару, неодобрительно покачал головой. Та же, разомлев в компании двух молодых северян, ни на кого больше не обращала внимания.

– Напрасно она так, – произнес лекарь. – Хозяин этого достославного места предупредил, что местные сорта вин и пива крепче привычных нам. Даже принес кувшин с водой, чтобы госпожа могла разбавлять свой напиток, но она даже не притронулась к воде. Я пытался ее увещевать, но тщетно.

– Думаешь, она не заметила, что эти два обалдую только и делают, что подливают ей снова и снова? – спросил Арэн.

– Не знаю. Но на всякий случай не следует упускать ее из виду. Ни к чему нам неприятности.

– Послушай, а за каким отродьем Хаоса ты остался в лесу с пигалицей? – вполголоса спросил Раш, меняя тему разговора.

– Она нуждалась в помощи, – сдержанно ответил Арэн.

Хани определенно много чего не сказала, и Арэн чувствовал себя облапошенным. Врожденное чутье подсказывало, что девчонка не так проста, как кажется на первый взгляд. Но если так рассудить, разве он сам стал бы посвящать посторонних в дела, их не касающиеся? И все же странное растение-ловушка, невидимые преследователи и ее вопросы насчет цели его приезда – все это неспроста.

А ее северное шаманство? Колдовство? Изначальный, магия сгинула вместе с шайме-рами. Если бы он не видел собственными глазами то, что видел – первый бы высмеял того, кто рассказал бы такую небылицу. И почему девчонка сказала, что ей голову снесут? Харста зад, может, не стоило ее одну отпустить?

Раш пододвинул к нему полную кружку темного пива. Дасириец одним махом опрокинул ее в себя, поморщился: кислое и, мать его за ногу, крепкое. Как Миара до сих пор под столом не валяется, кажись, не первую уже в себя вливает – и хоть бы что.

– Девчонка не простая, – словно прочитав его мысли, сказал Раш.

– Ты видел то же, что и я?

– А что ты видел?

– Хватит со мной говорить загадками, нишан⁸. Знаешь же, что не люблю этого.

Раш склонил голову набок и как бы между прочим указал взглядом на северян, которые обхаживали разомлевшую Миару. Один из них лишь делал вид, что увлечен прелестями таремки, но то и дело косился на ее спутников.

Арэн никогда не торопился с выводами, старался держать голову и не горячиться. Тем более сейчас, когда он все больше понимал, что нравы и обычаи северного народа ему, мягко говоря, не по душе.

– Парень ее точно дуболом. Прост, как портки крестьянина, – негромко сказал Раш. – Он тут кое-чего наболтал. Был бы моим стражем, я бы за такое ему башку оторвал, а рану солью присыпал.

– Страж?

– Ее кетельгард. У каждого высокородного северянина должен быть кетельгард. Тот, кто примет на себя удар. Кто-то крепкий и неразговорчивый. Рхельцы своим стражам языки отрезают, и скажу тебе – правильно делают.

– Стало быть, она знатного рождения?

– Дочка какого-нибудь норена. А теперь, брат, скажи-ка мне, отпустил бы ты свою родную кровь в самом соку к харсту в жопу, да еще и в сомнительной компании молодого увальня?

Арэн хмыкнул – Раш никогда не стеснялся в выражениях. Матушка Арэна, почтенная леди Лусия Шаам, любила говаривать, что тот, кто не умеет держать язык на привязи, расплачивается горбом. Судя по исполованной плеткой спине своего нишана, до их встречи два года назад Раш получал за свой длинный язык и в хвост, и в гриву.

– Они хорошие люди, – после долгого молчания вмешался Банрут. – В них нет зла.

– Еще скажи, что тебе Изначальный знак подал, – кисло ухмыльнулся Раш.

– Он говорит с теми, кто хочет его слышать, мой дорогой Ршагар. Через молитву. Если бы ты хоть иногда говорил с ним или с его детьми, может, и с твоих глаз спала бы пелена.

Раш скривился, как от оскомины. «Ршагар» – он уже и отвык, что его так называют.

Хоть Банрут уже успел несколько раз подлатать его раны, используя не только мази и настойки, но и свои заморские познания во врачевании, Раш продолжал фыркать всякий раз, когда иджалец заводил разговоры о божественном вмешательстве. Он презирал все, что так или иначе касалось богов Эзершата: Истинных или Проклятых – без разницы.

Личность названного брата оставалась для Арэна загадкой. Раш никогда не говорил, кто он. На вопрос «откуда?» отделялся шуточками, мол, его родила морская пена. Он отличался идеально ровными, будто точенными из мрамора, чертами лица: в меру густые брови, в меру тяжелая челюсть и упрямые скулы. Яркие, выразительные глаза карманника, черные, как проклятие, манили женщин как магнит. Раш не стриг волос, предпочитая затягивать их тугой петлей на затылке, носил серебряное кольцо в нижней губе и несколько более крупных в обоих

⁸ Нишан (дасирийское) – названный брат/брат на крови. Также употребляется в отношении человека, который стал значительным, благодаря своим высокородным покровителям.

ушах. На его теле было бесчисленное количество рисунков, один страшнее другого, но и о них Раш предпочитал отшучиваться чем-то вроде: «Это чтоб коросту спрятать». Арэн не понимал, что именно в нем так притягивает женщин, и иногда потихоньку завидовал бесшабашному нишану.

Тем временем Миара, в который раз присосавшись к кружке, потребовала принести ее любимую лютню. Она сопровождала каждое свое слово неопределенными взмахами рук и, в конце концов, пошатнулась, падая в объятия одного из молодчиков. Те дружно загоготали.

– Ради богов, отнесите кто-нибудь ее в комнату, пусть проспится! – разозлился Арэн.

Раш демонстративно подвинулся ближе к краю и сразу заявил, что мегеру он и пальцем не тронет. Банрут вздохнул, коснулся священного символа Изначального (отлитого из золота, размером с монету, висящего на косице, свитой из выбеленных кожаных шнурков), затем поднялся и попросту взвалил Миару себе на плечо. Молодчики послали в спину удаляющегося иджальца рассерженные взгляды, после чего махом осушили кружки и убрались из-за стола.

Место недолго оставалось пустым. Вскоре к ним присоединились Рок и Хани. Оба были странно молчаливыми. От лица девчонки и вовсе отлил весь румянец. Оба вошли и сели молча, да так молча и сидели, сосредоточенно изучая оставшиеся на столе тарелки. Наконец северянка подняла взгляд на Раша. С минуту они изучали друг друга, до странности похожие на двух змей, которые решают, стоит ли устраивать бой не на жизнь, а на смерть. С чего бы вдруг? Обстановку разрядил нишан: налил в пустую кружку немного вина и протянул северянке. Та не торопилась брать.

– Зачем это? – Хани показала на кольцо в его губе.

– Чтобы было о чем поговорить с любопытной северянкой, – в свойственной ему завлекающей манере ответил Раш. Он перегнулся через стол – так, чтобы их лица оказались рядом. – Хочешь, расскажу, как это делают?

Арэн уже собирался приструнить его, но девчонка справилась без посторонней помощи.

– Не хочу, – спокойно ответила она. – Мы так быкам носы прокалываем, чтоб на цепи водить. Думала, может, тебя кто-то в поводу водит.

Раш широко улыбнулся, отодвинулся и подпер голову кулаком, хотя обычно шуток таких не сносил и при случае заталкивал их обратно в глотку шутнику.

– Что стряслось? – прямо спросил Арэн. – Ты же не затем пришла, чтобы про моего нишана спросить?

– Ничего, что касалось бы чужеземцев, – ответила Хани – легко, с вежливой полуулыбкой. – Староста обещал поговорить с кем-то из охотников, проводник будет, если сойдется в цене.

– А вы? Ты говорила, ваш путь лежит в столицу.

Рок хотел было что-то сказать, но, напоровшись на взгляд Хани, умолк, отвернулся и позвал одну из помощниц хозяина.

– Так и есть. Но появилась нужда, которая задержит нас с Роком в Яркий...

– Хорошо, ты права, – сдался Арэн, хоть чувство тревоги только усилилось. – Мы не знаем местных обычаев и не будем вмешиваться без надобности. Или пока не попросишь ты или местный глава.

Он чувствовал немое неодобрение Раша, но ничего не мог поделать. Что-то в странных фиалковых глазах девушки говорило: она ничего не выдаст чужестранцам, хоть бы те и пристали с кинжалом у горла. Оставалось верить, что северяне не бросят их на погибель.

– Тут я с вами попрощаюсь, – Хани встала.

– Совсем? – Раш ощупал взглядом лицо девушки. Только Арэн, который знал его достаточно хорошо, мог слышать нотки насмешки в голосе нишана. Хани же не придавала им значения или сделала вид, что ничего не поняла.

– Я заночую у Мудрой, Рок останется в «Медвежьей лапе».

– Мы не обсудили плату. – Арэн потянулся за кошельком.

– Обсудили, когда спасались от ловушки шарашей, – многозначительно ответила она, быстро пожелала им доброго пути и вышла, взмахом руки остановив Рока, который было засобирался следом.

Северянин, обескураженный тем, что его отвергли, поскреб затылок и еще какое-то время смотрел на дверь, закрывшуюся за Хани. Будто ждал, что она передумает и вернется.

– Бросила подружка? – Раш по-свойски толкнул его плечом и подвинул кружку с пивом. – Бывает.

Тот мотнул головой, неодобрительно скосил взгляд на чужестранца. После осушил кружку едва ли не в два глотка и долил еще, пока пена не полезла наружу, хлопьями сползая по стенкам. И снова выпил до дна. Громко отрыгнул, рыская взглядом по столу в поисках, чем наполнить живот.

– Послушай, может быть, ты проводишь нас в столицу? – Арэн не знал, пошлют ли боги ему терпения выдержать варварские привычки Рока, но другой проводник, скорее всего, будет не лучше. Рок же, как показал случай в лесу, умел держать оружие и, Арэн не мог не отметить, держал его умело.

– Нет, – северянин едва мог говорить – только что запихнул в рот запеченный в кукурузной муке кусок баранины. – Буду ждать эрель.

Он тут же осекся, косясь по сторонам. Никто не обратил на него внимания, и северянин с облегчением выдохнул.

– По-моему, девчонка не нуждается в твоей помощи, – подзадоривал Раш, только делая вид, что пьет из своей кружки. – С такими-то фокусами. – Последнее он сказал едва слышным шепотом.

– Как же, – крикнул Рок. – Не нуждается она... Когда придут шараша, кто-то должен прикрывать ей зад. И никакая порча ей не поможет.

Только когда за столом повисло молчание, Рок понял, что проболтался. Он хмуро посмотрел на обоих, не зная, кого винить – себя за болтливость или чужестранцев за подначивание.

– Так вот о чем Хани будет говорить с Мудрой, да? – Теперь Арэн понемногу начинал понимать.

– Да, – не стал отпираться северянин. – Их много, очень много. Я насчитал три кулака ловушек, пока ехали до Яркий. Несколько в полчасе езды отсюда. Шараша свои ловушки не бросают. И никогда раньше не ставили их так.

Три кулака... Должно быть, малограмотный северянин считал по пять пальцев за раз. Выходит – пятнадцать.

– Как – так?

– Как охотники, что гонят мамонта, – густо, чередой. Будто знают, что добыча туда непременно попадет. Но та ловушка, в лесу... – Рок пожевал губами, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Говори, – приказал Арэн, не сильно веря, что северянин послушается.

Но Рок, к его удивлению, продолжил:

– То была очень большая ловушка. Мы с Хани первый раз такую видели.

– погоди, ты сказал, что считал ловушки по пути, – остановил северянина Раш. – Но я ничего такого не видел. Снег только, валуны да птицы в небе.

Рок посмотрел на него, как на полудурка.

– Вы, чужестранцы, ничего не знаете о наших землях. Не увидите людоеда, пока руку не отхватит. А мы здесь каждый куст знаем, каждый сугроб.

– Где же была ваша хваленая внимательность, когда нас чуть не передавили, как цыплят, – огрызнулся Раш, которому пренебрежение в голосе северянина явно пришлось не по душе.

Арэн приготовился их разнимать.

– Та ловушка в лесу, она не такая, как все. Слишком глубоко в земле, корни крепкие, будто мороз им не страшен. И большая. Повезло, что все выбрались живыми. – Рок покосился на Раша, намекая на горючую смесь, которую карманник использовал очень вовремя. – Я таких прежде не видел. Хани думает, что есть и другие, которых никак не заметить. Теперь все будет, как решит Мудрая. Думается мне, будет много алого снега. – Последней фразе он нарочно придал оттенок воинственности.

Катарина

Баттар-Хор, столица Рхельского государства

Леди Катарина даро-Исаэт приехала в столицу немногим раньше полудня. За ней следовала свита: пять десятков кольчужных воинов, камердинер, личный повар, две шустрые горничные, мастер-аптекарь, чернобородый волшебник и десять темнокожих рабов-мужчин.

Стоило процессии въехать в город, Катарина спешила и пересела в паланкин, который несли рабы. Спрятавшись от любопытных взглядов, леди даро-Исаэт позволила себе расслабиться и потереть побаливающий от долгой езды зад. И какой же умник додумался расположить рхельский портал в полудне езды верхом от столицы? Катарина пощупала замшевую суму, переброшенную через плечо, – рунный камень лежал на месте. Уже несколько лет таремские купцы пользовались налаженной системой порталов, что располагались вблизи каждой из столиц. Это значительно экономило время пути, позволяло вести торговлю даже в неблагоприятные времена буйства погоды: в теплые месяцы Эфратию накрывали красные песчаные бури, с приходом холодов земли ан-салла, Народа драконов, тонули в затяжных ливнях. В Высокие леса шайров дорогу перекрывал болотистый край, и попасть к древожителям, не имея рунного ключа, можно было лишь по воде, через все восточное побережье.

Тарем и Дасирийская империя наложили железное торговое эмбарго: корабли из южных и западных земель были обязаны заходить в их порты и продавать половину своих товаров. Тех, кто миновал порты, ждала жестокая участь – быстроходные корабли таремцев нагоняли беглецов в море, отнимали товар силой, суда топили, а команду забирали в рабство.

Суровый закон, но у южных соседей не было иного выхода, кроме как подчиниться. Таким образом Тарему удавалось контролировать морской путь в Высокие леса, а вся сухопутная торговля и так вот уже почти семьдесят лет принадлежала им. Даже время Огненной земли, когда границы Дасирии и Рхеля разорвал проснувшийся вулкан, бушевавший много месяцев, не сместило таремцев: торговые магнаты продолжали контролировать каждый торговый путь, каждый караван. Вскоре, после того как с Дасирией был подписан «белый мир», влияние Тарема многократно увеличилось.

Система порталов, стоившая таремцам много тысяч золотых дмейров, стала еще одним шагом на пути к торговому величию. Правда, рунические камни делались на заказ, тайно ото всех, чтоб секрет остался известен только мастерам-сандамукам. Стоил такой камень очень недешево, потому лишь небольшая часть торговцев могла позволить себе собственный рунный ключ.

Катарина даро-Исаэт была младшей сестрой Фиранда даро-Исаэта – Первого лорда-магната, главы Таремского Магнарана. Сын Фиранда, пятнадцатилетний Руфус, уж год как был обручен с царевной Яфой – единственным ребенком рхельского царя Ракела.

И род даро-Исаэт владел тремя рунными камнями.

– Леди даро-Исаэт, – за колыхающейся занавеской паланкина мелькала фигура командира сопровождавших Катарину воинов-атеи.

Женщина придержала край занавески, оставила небольшой просвет – знак того, что слушает.

– Велите достать штандарт, леди?

– Нет, – коротко ответила она.

В этот раз ее визит нес личный характер. Катарина всегда славилась острым умом и понимала, что Ракел уже давно предупрежден о ее приезде. Поговаривали, что у рхельского царя всюду свои глаза и уши. Тем не менее таремка предпочла обойтись без лишнего внимания.

Баттар-Хор раскинулся на многие мили вокруг. И хоть его величие не могло сравниться с роскошью Вечного града Тарема, многие считали столицу рхельского государства одной из самых красивых на просторах Эзершата.

Все улицы города были вымощены камнем, центральные и главная дороги до царского дворца – нарядным белым гранитом. Ближе к центру столицы все чаще появлялись дома в два и три этажа. Они пестрели вывесками мастерских – золотников, аптекарей, стеклодувов, оружейников. Их товары лежали тут же, на прилавках возле домов. Но основная торговля шла на рыночных площадях. Мясная, Винная, площадь Мелких мастеров, площадь Мастеров-кузнецов – на каждой продавали товары соответственно названию, чтобы заезжие купцы не утруждались долгими поисками.

В центре города стремилась вверх хмурая серая Цитадель. Над ней реяли разноцветные знамена, высокие стены обходили дозором стражники. Под их алыми туниками виднелись кольчуги, головы покрывали тяжелые шлемы, а на поясе в окованных ножнах покоились мечи. Личная стража Цитадели – вымуштрованные воины, посвятившие себя военной службе. Городские патрули состояли из ремесленников и крестьян, несших обязательную военную повинность сроком в год. Их защита и оружие были проще.

Катарина потеряла ладони, мечтая поскорее оказаться в тепле. Ракел, узнав о ее визите, отведет госте малахитовые покои, помня, какую слабость к зеленому питает леди даро-Исаэт. Уж в чем никто бы не упрекнул царя, так это в негостеприимстве. А Катарина последние несколько лет часто останавливалась в малахитовых покоях.

– Почти приехали, леди, – сообщил командир сопровождения.

Катарина, задремавшая в ритме мерно колышавшегося паланкина, разлепила веки. Подождав, пока рассеется туман сна, выглянула наружу. Серая твердыня Цитадели осталась позади, и высокая грузная колонна более не разрезала горизонт. Ее сменила белокаменная стена дворца, дорогу к которому окружали рхельские тополи, чьи медного цвета листья продолжали держаться на ветках круглый год. Несмотря на последние дни зимы, в Баттар-Хоре укрылось тепло, хотя в северных частях страны еще лежал снег.

Катарина же продолжала испытывать постоянный холод – родной Тарем не знал ни холодов, ни непогоды, все двенадцать месяцев в году плескаясь в солнечной ласке и морских брызгах.

Леди даро-Исаэт почти не удивилась, когда процессия замедлилась и остановилась. Без сомнения, им навстречу выехала личная гвардия Ракела. Так и случилось: полог отодвинул командир, но в нем появилось узкое обветренное лицо мужчины лет сорока. Катарина узнала его – Тиарам. Она всегда побаивалась этого человека, хоть и знала, что Тиарам не посмеет причинить ей вред. Но цепкий взгляд коршуна студил кровь в жилах Катарины, потому ей пришлось собрать мужество в кулак и улыбнуться.

– Царь велел проводить вас во дворец, леди даро-Исаэт. Он чрезвычайно обрадован вашим неожиданным визитом и приносит извинения, что не встретил вас раньше, с надлежащими почестями.

«Как же... Наверняка ломает голову, чего ради я пожаловала без предупреждения», – подумала Катарина, но виду не подала, смягчив лицо вежливостью.

– Надеюсь, я не помешала срочным государственным делам Его Величества. Благодарю, Тиарам, с признательностью приму ваше сопровождение.

Мужчина коротко поклонился, на миг в его глазах сверкнула злость. Или то была лишь игра воображения? Катарина вновь окунулась в уединение паланкина, набросила на себя покрывало, сшитое из белоруных овчин артумских овец. Сегодня, размышляла таремка, она не станет говорить с Ракелом о том, ради чего приехала. Усталость, дорога, холод, поселившийся в костях, лишали сил. Вечер пройдет в тронном зале за вином. Ракел, как водится, предложит партию в шахматы, и за игрой как бы между прочим порасспросит о делах в даси-

рийских землях. А она, отдавая дань услужливому гостеприимству, расскажет несколько «слухов» – мелочевку, о которой Ракел уже и так знает от своих шпионов. Но царь поблагодарит ее, не дав повода думать, что новость для него ничего не значит.

Игра масок – так Катарина мысленно называла шахматную партию с Ракелом. Тем не менее царь Рхеля был статным красавцем, умным и учтивым, много лучше мужланов, что повидал дасирийский трон, и Катарина любила его компанию.

Она даже немного сожалела, что вскорости их беседы могут стать лишь воспоминанием.

За дворцовой стеной процессию встретила вышколенная челядь. Они кланялись до земли, желали гостею здоровья. Катарина достала пригоршню серебра и, не глядя, швырнула монеты за занавеску.

Процессия остановилась у самой лестницы. Рабы распахнули массивную двухстворчатую дверь с лепниной в виде разинувших пасть львов, склонили головы и стояли так, пока Катарина и вся ее свита и помощники не прошли внутрь.

Розовый и голубой мрамор устилал пол. Из черного с белыми прожилками мастера каменотесы выточили величественные колонны, которые выстроились коридором в направлении лестницы. В светлом зале журчали маленькие фонтаны, в высоких позолоченных клетках распевали райские птицы в дивном оперении. Стены хвастались домоткаными коврами тонкой шерсти, на них руки мастериц навеки запечатлели героев рхельского царства, битвы и божественные лики.

Встретил ее Киран – распорядитель дворца, старец в голубых шелках, чьи волосы поредили до жидкого обода на затылке. Его ноги в остроносых сандалиях засеменяли по ступеням. Поравнявшись с гостьей, Киран отвесил поклон – каждый в замке Ракела знал, как важен для царя союз с Первым лордом-магнатом, и роду даро-Исаэт оказывали королевские почести.

Катарина ответила легким кивком головы.

Распорядитель проводил ее до покоев. Как и предполагала Катарина, ей отвели малахитовую комнату. Там уже потрескивал огнем очаг, рядом, на подставке, грелись атласные туфли. В комнате было два арочных проема: левый вел в спальню, правый – в солярий, куда рабы уже носили ведра с горячей водой.

– Мой царь просит величайшего прощения, но нынче вечером он не сможет встретиться с вами за игрой в шахматы, – иссеченное морщинами лицо распорядителя выражало разом всю печаль мира. – Государственные дела не терпят отлагательств, светлоликая госпожа. Его величество просит вас чувствовать себя, как дома, и располагать всем гостеприимством дворца.

Катарина мысленно в удивлении вскинула брови. Обычно царь угождал ей даже сверх меры. Она усмотрела в сегодняшнем его невнимании тревожный знак.

– Надеюсь, Его Величество не опечалился дурными вестями, – наигранная тревога легла на чело Катарины.

– Нет ничего, что Светлейший не смог бы разрешить, светлоликая госпожа, – ответил распорядитель, вновь раскланялся, поторопил рабов и вышел, на прощание пожелав гостею спокойных снов.

Бассейн солярия был выложен разноцветной мозаикой. Над водой курчавился пар, сладко пахнувший сандалом. Катарина зашла в бассейн по ступенькам и легла, расслабленно опустив шею в специальный округлый желоб. Пока рабыни занимались волосами госпожи – расчесывали их широкими гребнями, втирали травяные бальзамы и умащивали дорогими настоями, чтобы скрыть седину, Катарина размышляла о предстоящей встрече с Ракелом.

Покинув солярий, с блестящими влажными волосами и кожей, докрасна растертой маслами, леди даро-Исаэт позволила служанкам одеть себя в домашнее платье.

– Позволь обуть тебя, госпожа, – перед нею появился невысокий парень, лет восемнадцати.

Его лицо, простое, серое, лишенное румянца, покрывала россыпь мелких веснушек, блеклого цвета русые волосы топорщились в стороны, кончик носа постоянно подрагивал, будто у маленького зверька.

Женщина опустилась в кресло перед камином, жестом прогнала рабынь. Парень присел рядом, скрестив ноги, и взял разогретую туфлю.

– Моя госпожа чем-то взволнована, – произнес он голосом юным, но совершенно бесцветным.

– У человека умного всегда есть повод для тревог, Безликий. Лишь глупец никогда не оглядывается по сторонам.

– Справедливо, госпожа. – Он надел туфлю и потянулся за второй. – Могу я развеять твою печаль?

Катарина улыбнулась. Пальцы сами потянулись потрепать мальчишку по волосам. Он сидел, будто каменное изваяние, тени от пламени плясали на серой коже, скалились. На короткое время леди Ластирик показалось, что то не тени, а мальчишка ухмыляется, что то его рот полон острых клыков, и она отдернула руку.

– Все еще боишься меня, госпожа моя?

– Кто бы не боялся, Безликий? – вопросом на вопрос ответила она.

– Лишь глупец, – повторил он ее слова.

Хани

Мудрая сидела у очага. Глаза закрыты, тело неподвижно. Хани могла бы решить, что старая женщина уснула, если бы та время от времени не начинала нараспев мычать странные молитвы, делая это не разжимая губ.

В доме Мудрой пахло травами. Девушка любила этот запах, знакомый с детства. Именно тогда несколько месяцев она провела под присмотром Мудрой в родном городе. Вместе с другими девочками училась, смотрела, как старая женщина собирает в пучки душистые травы и корни, подвешивая их над очагом; училась глядеть в воду, заговаривать талисманы и обереги, лечить коз, у которых синело молоко. Постигала мудрости предков. Сейчас ей казалось, что она всегда слушала недостаточно внимательно.

Обычно Мудрые жили особняком, на окраине поселений, где никто не нарушал их покой. Они могли надолго уходить в мир грез, чтобы зачерпнуть из белого источника Порядка, и горе тому, кто потревожит тело Мудрой, пока ее дух странствует.

Мудрая говорила своим ученицам, что когда-то все они станут такими же, как она, – самыми важными женщинами в поселках и деревнях, откуда они родом. Вспоминая те дни, Хани улыбалась и печалилась одновременно. Прошное, как бы сильно она ни гнала его, все время догоняло и каждый раз с сокрушительной силой сваливалось на плечи, подминая под картины ее собственной слабости и трусости. Ведь она могла остаться. Должна была! Она могла хотя бы попытаться спасти их. Не смотреть, как мать таскает кишки по полу, и плакать, как дитя, а сделать то, ради чего в ее теле угнездилась порча. Даже если бы после этого ей башку отсекли ржавым топором.

Северянка поехала, гоня прочь тяжкие мысли.

Мудрая открыла глаза. Сперва ее взор был туманным, но с каждым мгновением в нем проступала ясность. Старуха поднялась, опираясь на кое-как обтесанную палку, зыркнула на Хани колочим взглядом.

– Недобрую весть ты принесла в наши края. – Голос старой женщины неприятно скрипел. Она ненадолго скрылась в задней комнате и вернулась с котелком в руках. Повесила его над очагом, положив в каменный круг несколько поленьев и пучок сухой травы. В доме почти сразу запахло пряной горечью.

– Шараши никогда не подходят так близко, Мудрая, – почтительно склонила голову Хани. – Ловушки стали сильнее, и теперь их не так просто отыскать, как прежде. Яркая может быть в опасности.

– Знаю, – коротко ответила та.

Она не торопилась. Приказала Хани налить в котел воды. Сама же тем временем сняла с одной из полок ступу и снова ушла к себе в кладовую. На этот раз она задержалась дольше. Хани слышала шорохи и кряхтение, звуки открывающихся пробок и негромкий треск. Когда Мудрая вернулась, в ступке лежали травы, корни, половинки грибных шляпок. Старуха усеялась на прежнее место и принялась толочь. Сухие морщинистые руки еще хранили силу, и вскоре все составляющие части превратились в однородную сыпучую массу. Мудрая дождалась, пока вода в котле пойдет пузырями, и потихоньку высыпала в нее содержимое ступки, тщательно помешивая варево палкой.

Хани не смела говорить первой, покорно дожидаясь, когда Мудрая закончит свои приготовления. Северянка чувствовала усталость. Сперва ее измотал разговор с местным старостой, который был тупее старого осла. Ритуал успокоения так ее вымотал, что она не нашла сил на бестолковую перепалку с человеком, у которого на все был один ответ: «У нас достаточно крепких мужчин и женщин, чтобы дать тварям отпор». Она честно старалась вдолбить в его тупую башку, что с таким-то уж они точно не сталкивались и что разумнее всего будет

собрать все, что можно унести в руках, и ступать в ближайший город, где хотя бы есть крепкие стены и хорошо вооруженные воины. Тщетно. Он и слушать не стал, а взамен, брызжа слюной, принялся поносить ее на чем свет стоит и даже обвинил в науськивании с целью его сместить. Большого бреда Хани отродясь не слышала, но здесь дуралей был на своей территории, и в его власти бросить ее в холодную и «случайно» позабыть.

Хани потеряла отяжелевшие веки. Отчаянно хотелось спать. Несколько часов отдыха в седле хватило, чтобы немного прийти в себя, но сейчас телом начинала овладевать боль. Она шевелилась и будто жила под кожей собственной жизнью. Но Мудрая, похоже, не собиралась торопиться, и надежда на скорый отдых постепенно издыхала.

– Не клуй носом.

Хани почувствовала, как Мудрая потрясла ее за плечо. Вскинула голову, поздно понимая, что все-таки задремала, и покраснела. Чтобы немного разогнать дремоту, как следует ущипнула себя за кончик носа – так, что аж слезы выступили. Фокус, подсмотренный у старшего брата.

– Я сварила зелье, пей, – Мудрая протянула тяжелую кружку, из которой разило не лучше, чем из выгребной ямы. Видя, как гостя морщится, настойчиво повторила: – Пей.

Хани поднесла кружку ко рту и в несколько глотков осушила ее. Она старалась не дышать, даже зажмурилась, а когда открыла глаза, предметы вокруг пустились в пляс. Мир завертелся колесом, переворачиваясь с ног на голову и обратно. К горлу подступила тошнота. Хани попробовала встать, но не смогла: что-то, крепче цепей, не давало ей пошевелиться.

– Покажи мне, что видела.

Голос Мудрой раздавался будто отовсюду сразу. Хани не хотела еще раз пережить ту ночь, но и не подчиниться не могла – старуха не оставила ей выбора. Мудрая вперила в нее подслеповатый взгляд – и все завертелось водоворотом.

Когда Хани пришла в себя, она по-прежнему была у очага, в доме Мудрой. Поленья почти истлели, над ними плавала еле различимая дымка, в которой девушке продолжали мерещиться странные образы из разбуженных воспоминаний. Она осмотрелась: в крошечное отверстие, что служило вместо окна, сыпался снег. За стенами завывала непогода: она стучалась в дверь, и та охала, как древняя старуха.

– Духи-охранники тобой насытились, – все тем же скрипучим голосом произнесла Мудрая. – Ты молодец, все правильно сделала.

Хани смолчала и кое-как села. Ее колотил озноб. Пришлось прижать колени к груди и обхватить их руками, чтобы хоть немного согреться.

– Я сама с Эрбом поговорю. Он тупой, как ржавый топор, но мне противиться не посмеет.

– Что ты будешь делать, Мудрая? – Хани придвинулась к очагу.

– Шараши с давних времен изводили нас, но мы всегда давали им отпор. Из месяца в месяц, много зим. Они приходят, рвутся в нашу Яркую, как стая голодных крыс, – и всегда дохнут. Староста соберет мужчин, и они прогонят скверну с нашей земли. А я буду просить духов-охранников о милости и помощи.

– Но ведь ты сама видела! Моими глазами видела, что мы нашли в лесу. Они никогда прежде не охотились так... – Хани замешкалась, не в силах подобрать слова. – Им будто кто-то указывает, что делать. Рок рассказал про ловушки, как они поставлены, где. Что, если вы не сможете дать отпор и побежите напрямик в расставленные капканы?!

– Знаю, – проворчала Мудрая. – Не глупее же я маленькой девчонки.

– Прости, – Хани потупила взор.

– Шараши придут охотиться на охотников. Захотят выгнать нас, как зверя из норы, и заставить бежать. Но мы перехитрим их и не станем ждать нападения. Найдем все ловушки, одну за другой, и выкорчем.

Хани промолчала.

- Те люди, что пришли сюда с тобой, путники издалека.
- Они едут в столицу. С рассветом покинут Яркую.
- Ты – останешься, – приказала Мудрая. – Мне нужна будет помощь.

Хани не посмела перечить. Тем более и сама думала остаться, пока не убедится, что жителям Яркой больше не нужна ее помощь. Может быть, все это испытание Скальда. А может, как любил говорить отец, она родилась сердобольной и всюду, где только могла, сунула свой любопытный нос.

- Тебе нужно поспать и набраться силы. Ложись у очага.

Мудрая скинула с плеч тяжелую меховую накидку и протянула ее северянке. Хани с благодарностью приняла ее и тут же завернулась, едва ли не по самый нос. Живот, долго не получавший пищи, протестующе заурчал, но усталость брала свое. Веки налились тяжестью. Хани легла на бок, подползла почти к самому краю каменного кольца очага и быстро уснула.

Раш

Утро выдалось солнечным.

Раш, разбуженный Арэном, который всегда вставал едва ли не с рассветом, сел на кровати, разглядывая комнату, будто впервые ее видел. Арэн давно оделся и теперь застилал кровать. Раш никогда не понимал этой его привычки – убирать за собой даже на постоянных дворах и в гостиницах. Но дасирийца было не переделать.

– Я бы еще час-другой поспал, – зевнув, сказал Раш. На столе возле его кровати стоял пустой таз и кувшин с водой. Сунув туда палец, карманник выругался, и его хорошее настроение мигом улетучилось. – Дикари, даже воду не подогревают.

– Собирайся, – поторопил Арэн, оставив его ворчание без внимания. – Скоро выезжаем. И вышел, прихватив меч и вещевой мешок.

Раш никогда не собирался долго, но сегодняшнее утро стало исключением. Он долго, скрипя зубы, обтирал себя куском шерсти, опуская ее в таз. Ледяная вода пробирала до костей, но Раш терпел. Холод он не любил так же сильно, как жаркие пустыни Эфратии.

Закончив с умыванием, быстро оделся, проверив, чтобы кинжалы оставались на своих местах: в петлях внутри рукавов, в потайных карманах куртки, за голенищем сапога. Последний, легкий и смертоносный кундей⁹, Раш прятал в волосы, маскируя его под застёжку, призванную сдерживать его густые лохмы. Удивительно, но за два года их с Арэном кровного братства дасириец, кажется, даже не догадывался о существовании еще одного тайника.

На первом этаже «Медвежьей лапы» дремала тишина. Та самая тишина, которой не хватало вчера вечером. Накануне Раш долго не мог уснуть: порядком захмелевшая толпа местных мужиков распевала песни и громко стучала кружками о столы. Ворочаясь в постели, он жалел, что изменил старой привычке и не набрался за компанию с Миарой. Арэн-то сразу отвернулся к стенке и засопел. Обычно Раш не любил это сопение, но прошлой ночью пожалел, что не слышит его в стоящем грохоте.

Сейчас его спутники сидели за тем же столом, что и вчера. Миара прикладывала ко лбу матерчатый компресс, уныло ковырялась в тарелке и при появлении Раши не нашла сил даже на пожелание доброго утра. Только кивнула и сразу поморщилась от головной боли.

– Как спалось, мой друг? – Банрут тоже выглядел неважно. Жрец, привыкший к теплым равнинам и плодородным зеленым лугам в устье Гэнра, самой полноводной реки в южных землях Эзершата, испытывал мучения в суровом климате Кельхейма. Он не жаловался, но почти постоянно мелко дрожал.

Раш не стал отвечать. Вместо этого широко зевнул и уселся напротив Арэна. Дасириец разделялся с куском жареного мяса, предпочитая отмалчиваться.

– Напомните мне, чтоб я больше никогда так много не пила, – простонала Миара, окуная компресс в миску с уксусной водой. Перед таремкой стоял наполовину опустошенный кувшин яблочного сидра. Сегодня, снова одевшись в удобную одежду для путешествий, Миара забыла о своих изысканных манерах и пила прямо из кувшина. – Нужно купить пару бутылок местного вина – вот что не даст мне замерзнуть в снегах Северных земель, если снова заблудимся.

– Не заблудимся, – успокоил ее Арэн, отложив на край тарелки мясную кость.

– Нашелся проводник? – Раш проводил взглядом одну из помощниц хозяина, которую заметил еще вчера. Девушка бросала призывные многозначительные взгляды, но была совершенно не в его вкусе. Пресытившись женским вниманием, нишан сам выбирал женщин, все чаще останавливая благосклонный взор на молоденьких девушках знатного происхожде-

⁹ Кундей – трехгранный кинжал пикообразной формы. Обычно имеет тонкую рукоять.

ния, ухоженных и вкусно пахнущих цветами. Благо в Дасирии таких пруд пруди, и ни одна не могла устоять перед ним.

Он отвернулся.

– Да. Один из местных охотников, славный парень. Только на общем знает от силы десяток слов. – Арэн явно не выглядел таким беззаботным, каким хотел казаться. Он отодвинул миску, вытер руки лоскутом тканого полотна, задумчиво посмотрел в кружку с медовухой и отставил ее в сторону. – По правде говоря, меня беспокоит, что тут творится.

– Только не нужно корчить из себя героя, милый Арэн. – Миара никогда не разделяла его благородных порывов. В этом Раш всегда принимал ее сторону. – Сам же говорил про обязательства. Мы направляемся в столицу, а здесь разберутся без нас.

– Может быть, – задумчиво протянул он, не став вступать в спор. – Нам что-то недоговаривают, уверен.

– И я всю ночь тревожился. Здесь пахнет непролитой кровью. – Банрут обвел всех собравшихся за столом тяжелым взглядом.

– Здесь воняет козым дерьмом. Мы ехали в Берол – и сегодня же планировали продолжить путь, – на всякий случай напомнил Раш и, видя, что таремка не собирается прикасаться к своему завтраку, подвинул ее тарелку к себе.

Больше за столом никто не проронил ни слова. Они закончили трапезу, изредка обмениваясь короткими взглядами. Раш чувствовал такое тягучее напряжение, что его можно было резать ножом. И все же он не тревожился – за долгое время дружбы между ним и Арэном случалось всякое, и куда похлеще пустяшной размолвки.

Вскоре к ним подсел мужчина. Борода и густые косматые брови, нависшие над глазами, не давали угадать его возраст. На общем наречии он действительно едва связывал пару слов, но Миара, окончательно поборов хмельную слабость, поговорила с ним на северном наречии. Они обменялись несколькими фразами, охотник выглядел угрюмым и недовольным.

– Может, будешь так добра и посветишь нас в разговор? – Арэн никогда не одобрял, если что-то решалось за его спиной.

– Он сказал, что будет ждать у ворот в полдень. Их Мудрая будет говорить со старостой и собирает всех жителей Яркий. Раньше он с места не двинется.

– Еще как двинется. – Раш зло метнул взгляд на сидящего рядом северянина.

Тот вряд ли понял сказанное, но в ответ тоже озлобился, что-то быстро сказал Миаре. Та поспешно успокоила его, сопровождая ослепительной улыбкой чуть не каждое слово.

– Я говорил, здесь что-то неладно, – напомнил Арэн. – Спроси его, не знает ли, о чем скажет Мудрая?

– О большой беде, – после переговоров сказала Миара. И добавила уже от себя: – Арэн, погляди на них! Думаешь, им нужна наша помощь? Не знаю, о какой беде будет говорить их полоумная старуха, но нам до нее дела нет. И если ты вдруг забыл, позволь тебе напомнить о времени, которое кое-кому может стоить головы. Мы и так сраную прорву времени потеряли, петляя в этих треклятых снегах, а все потому, что кто-то распереживался брать слишком любопытного проводника. И сейчас ты собираешься лезть в чужую задницу и ковырять там пальцем, пока не убедишься, что их говно воняет точно так же, как и твое собственное. И нечего на меня смотреть так, будто я помочилась у тебя на любимом ковре. По крайней мере, я никого из себя не корчу.

– Ты сама захотела поехать, – напомнил он. – Я на веревке за лошадью не волок. И заметь, я не совал нос в твое, как ты выражаешься, говно, и клещами не тянул – почему ты за два дня прискакала из самого Тарема, едва узнав о нашей поездке.

Раш был уверен, что Миара не стерпит и запустит в дасирийца кружкой или выплеснет ему в лицо недопитое вино – это меньшее, на что она была способна в гневе. Однажды она едва не подпалила его факелом, но Раш успел вмешаться и убедил взбалмошную таремку остыть.

На этот раз таремка заткнулась. Просто уткнула перекошенную злостью физиономию в таз, разглядывая свое отражение.

– Кто такая Мудрая? – поинтересовался Банрут, когда тишина стала невыносима.

– Самая сильная колдунья в поселении, – прикладывая ко лбу компресс, проворчала Миара. – Ее слово выше слова старосты, выше слова норена, говорят даже, выше слова самого кельхеймского правителя. Мудрые предупреждают об опасностях, заговаривают погоду, призывают в помощь духов-защитников, когда приходит беда.

– Я думал, это сказки.

– Так ты же в лесу с мороженой девчонкой был, неужели не видел? – ядовито бросила она. – Все северяне – потомки нээрийцев. У них с румийскими вырожденками одни корни и одна кровь. А румийская магия никуда не делась. – Последнее она произнесла нарочито зловеще.

Банрут осенил себя охранным знаком и так сильно сжал в ладони символ Изначального на груди, что побелели костяшки пальцев.

– Ты бы хоть поинтересовался, куда едешь и с кем будешь иметь дело, Арэн из Шаам, – продолжила Миара, – прежде чем попрекать одну таремскую стерву в том, что она слишком скоро на подъем.

Раш мысленно оставил победу за ней. Миара была самой острой на язык бабой из всех, с кем ему доводилось иметь дело, а женщин через его руки прошло немало. Скорее всего, Арэн остынет и, как бы между делом, скажет, что не прав. Такое уже случалось. Раш пытался поучить его премудростям общения с женщинами, но дасириец неизменно отправлял его к харсту на рога вместе со всеми советами. Страшно представить, что за жизнь ему предстоит, когда вернется в свой замок, прямиком к двум женам: малолетней горбунье и престарелой вдове. Раш подумал, что на месте дасирийца лучше бы сиганул с утеса башкой на скалы. Это куда милосерднее, чем позволить мегерам выжирать свой мозг по кусочку в день.

– В Бероле, в Белом шпиле, живут фергайры – Мудрые, заслужившие право лично совать нос во все государственные дела и указывать Белому сыеру, что делать и как. На случай, если сам он недостаточно умен. Или, – Миара задумчиво поводила пальцем в тазу с уксусной водой, – если они считают, что он поступает неверно. Говорят даже, в этой башне есть огромное ледяное зеркало, через которое фергайры видят все Северные земли и пристально следят за младшими сестрами, чтобы потом забрать достойных к себе в совет.

– Сказки, – отмахнулся Арэн.

– Бабье царство, – бросил Раш.

– Так что делать-то будем, мой благородный сердобольный на всю задницу Шаам? – нарочито сладко прощепетала таремка, словно и не она минуту назад чуть не в глотку ему была готова вцепиться.

– Ждать, – отрезал Арэн.

– Пусть нарисуют нам карту, и обойдемся без проводника, – предложил Раш. Каждая минута в Ярхии заставляла его нервничать. Слишком много в этих снегах было такого, что будоражило давно похороненные воспоминания.

– Нет уж! – взбунтовалась Миара. – Если они и карты так же рисуют, как дороги показывают, тогда я лучше потерплю, но поеду с проводником. И вообще. – Она вдруг вспомнила про компресс, обмакнула тряпку в воду и с несчастным видом встала из-за стола. – Я собираюсь воспользоваться случаем и вздремнуть еще пару часов, лежа на нормальной кровати. Ну... почти на нормальной. И вам советую.

Прихватив с собой кувшин с сидром, Миара устремилась в сторону лестницы. Раш подавил в себе желание выругаться. Он почти не сомневался, что таремке удастся переупрямить Арэна, но в этот раз Миара изменила своей настойчивости.

– Мне здесь не нравится. – Он отодвинул тарелку, разом потеряв интерес к еде. – Я не знаю, что у тебя на уме, брат, но здесь от нас толку не будет. Ты должен ехать в столицу, передать письма и то, что отец велел пересказать на словах. Пока еще не стало слишком поздно.

– Успокойся, – осадил его Арэн, – пара часов ничего не стоят. Без проводника нам в здешних снегах пропасть – что в стог нужду справить. И, признаться, мне не хотелось бы снова напороться на ту чужь, что тебя едва в могилу не загнала. Мне будет спокойнее с кем-то, кто знает кельхеймские равнины так же, как ты все тайники моего папаша. И не корчи из себя невинную деву на исповеди. Не только ты умеешь видеть, слышать и оставаться незамеченным.

– Делайте, что хотите. – Раш поднялся с лавки. – Пойду, прогуляюсь, а то смердит здесь – спасу нет.

За дверьми постоянного двора кипела бурная жизнь. Ветер носил размеренные удары кузнечного молота, блеянье овец и запахи свежее испеченного хлеба. Раш повертел головой, прикидывая, в какую бы сторону пойти. Недолго думая, пошел вниз от «Медвежьей лапы», к тому месту, откуда раздавался многоголосый гул – обычно так галдит рыночная площадь. Скоротав путь между домами, он вышел на небольшой пятак земли, со всех сторон окруженный деревянными столбами в человеческий рост. Между ними свисали натянутые толстые веревки, с которых свешивались разные нехитрые товары: домотканые рубахи грубого полотна, лошадиная сбруя, выделанные кожи... Внутри своеобразного круга расположились торговцы – судя по одежде, почти все местные, скорее всего крестьяне и ремесленники из соседних поселений. Многие громко нахваливали свой товар. Раш смешался с покупателями, поглядывая по сторонам. Немного потолкавшись, увидел то, что разгорячило в нем интерес. На куске яркого, расшитого красным сафьяна лежали мечи. Раш подошел ближе и сразу вцепился взглядом в изящный кинжал, размером не больше двух ладоней. Змеистое лезвие играло на солнце злое и в то же время маняще отливало алым. Рукоять, цвета иджальских саванн, выточили из кости какого-то животного. Ее обвивала дутая из серебра змея, наполненная ртутью. Торгаш, коротышка-таремец со взглядом притаившегося хищника, тут же принялся всячески обхаживать покупателя. Он едва ли не силой впихнул кинжал в ладонь Раши, предлагая «почувствовать небесную легкость смертоносного металла». Карманник воспользовался предложением. Глядя, как ловко покупатель вертит клинок в ладони, торговец еще больше воодушевился.

– Человек, продавший мне эту вещицу, утверждал, что нашел его в песках Шаймерии.

Раш тут же мысленно скривился: среди торговцев будто существовал тайный сговор. Любую мало-мальски пристойную вещицу они непременно «находили в шаймерских песках». Он повертел клинок, рассчитывая найти клеймо кузнеца – вряд ли мастер, сотворивший столь прекрасную вещь, пожелал остаться неузнанным. Так и есть, сбоку, на рукояти, виднелся едва заметный выпуклый вензель. Оружейник даже тут проявил талант, искусно выточив отметину прямо на кости.

Вот же харст его задери! Откуда здесь взяться этой вещи?

– Она шаймерская, добрый господин, – как змей из притчи, искушал таремец. – Двадцать кратов – и она твоя.

«Шаймерская, да не совсем», – мысленно ответил ему Раш, а вслух сказал:

– Грабеж. За такие деньги лошадь можно купить.

– Можно, но разве у такого видного господина нет лошади? – Торгаш прищелкнул языком. – Зато у господина нет такого прекрасного кинжала...

– Есть другой.

– ...но не такой, как тот, что продаю я.

Раш снова повертел кинжал так и эдак, раздумывая скорее о его странном появлении среди обыденных товаров торговца, чем о возможной покупке. Хотя перспектива обладать им зудела где-то между лопатками, и избавиться от нее будет не так-то просто. Таремец не торо-

пил, но смотрел с прищуром. У Раша было только четырнадцать золотых. Торговец может сбить цену, но вряд ли так сильно.

– Подделка, – Раш нагнал на себя безразличие и бросил кинжал на прилавок.

– Я уступлю, – догнал его в спину голос таремца. – Девятнадцать золотых!

Раш продолжал идти дальше, не оглядываясь. Торговец громко предложил восемнадцать, но он сделал вид, что не услышал. Ненадолго задержался у хорошенькой торговки сладостями, купил мешочек запеченных в сахаре земляных орехов – здесь они были не такими, как в южных землях, мельче и сытнее.

– Солнечного и доброго утра, – раздался позади знакомый девичий голос.

Раш обернулся, уставился на Хани. Сегодня она выглядела получше, чем накануне, когда они с Аренем вернулись из лесу, хотя под глазами северянки остались синюшные круги, как от бессонной ночи. Девчонка сменила походный костюм на удлиненную куртку с капюшоном, подбитую кунницей, и светлые штаны оленьей кожи.

– Я думала, вы уехали с рассветом, – задумчиво сказала Хани, почему-то уставившись на мешочек с орехами в его руках.

– Наш новый проводник упрямее осла, заладил – не поеду, пока не узнаю, что скажет Мудрая. – Раш ловко закинул в рот пригоршню орехов и протянул мешочек северянке, молча предлагая угоститься.

Она отказалась, морща лоб, как от тяжких раздумий.

– Я нигде не вижу Рока. Он не с вами ли собрался?

– Если и собрался, то я об ничего не знаю. Вчера после твоего ухода он почти сразу куда-то делся. Послушай, а что собирается говорить Мудрая? – Раш поманил ее рукой в сторону, за пределы торгового места.

Девушка охотно пошла следом, отстранившись, когда он попытался взять ее под локоть. Северянка выглядела такой несуразно маленькой, особенно на фоне остальных местных. Даже ему, не слишком высокому, она едва ли доставала до плеча. Вкупе с мягкими чертами лица и вовсе казалась ребенком, девчонкой, где-то растерявшей своих кукол. Если бы не взгляд: глубокий, пронзительный. Казалось, она всегда смотрит куда-то глубже, чем кажется. Рашу стало не по себе, когда девчонка вдруг так же пристально посмотрела прямо ему в глаза.

– Сюда идут шараша. Мудрая будет говорить со старостой, чтобы поднимал народ.

– И что с того? – Раш стянул петельки мешочка, пряча его за пазуху. Желание набивать живот напрочь пропало. Да и как тут есть, когда странный взгляд того и гляди дыру прожжет? – Вы вроде ребята крепкие, за какую сторону дубинку держать – знаете.

– Вам не понять. – Хани понизила голос. – Раньше шараша никогда не ставили столько ловушек сразу в одном месте. Они больше не пустоголовое стадо. – Девушка снова «поймала» его взгляд. Несколько бесконечных мгновений рассматривала пристально, будто именно в нем искала источник всех бед Северных земель.

– Хватит на меня таращиться, – сквозь зубы процедил Раш. – Хочешь что-то сказать – говори.

– Их кто-то направляет. Кто-то умнее, чем они. Кто-то сильнее и могущественнее, чем все эти люди с их дубинками и мечами. – Она замолчала, давая ему возможность как-то отреагировать на сказанное, но Раш отмалчивался, и Хани продолжила. – В наших землях появился румийский порченный маг, – закончила она.

– Чушь, – отмахнулся Раш. Он уже жалел, что поддался на разговор. Пусть бы шла себе, куда шла, его дело – сторона. И, вспомнив, добавил: – Я видел, что ты творила в лесу. И я не пустоголовая седая баба и не недоумок, который сосульку принимает за зрелого тролля, меня сказками про шаманство не провести.

Она шарахнулась от него, как дагфари от Священных скрижалей.

– Уезжайте. – Ее голос стал глухим и грустным. – Если у вас есть дела в Северных землях, поспешите с ними. Может быть, скоро здесь не останется ни единой живой души, способной слушать и понимать.

Хани собиралась сказать еще что-то, но ее отвлек и увлек громкий, громче рыночного гула, шум толпы. Раш и сам повертел головой, пытаясь понять, откуда раздаются голоса. И пошел на них, ловко лавируя в суетливой толпе. Деревенские толкались, зажимали его плечами, но ему удавалось лавировать между ними. Человеческий поток следовал к центру, к тому самому месту, где вокруг большого очага сидели старухи.

– Стрелы шарашей... Много... Бедолага... Позовите Мудрую... Не жилец... – на все голоса галдела толпа.

Хани, каким-то непостижимым образом оказавшись впереди, яростно спешила к очагу, локтями распахивая плотные ряды деревенских. Раш нагнал ее, помог продираться сквозь толпу. Он даже не сразу понял, что они достигли цели, когда обоих буквально вытолкнуло на окруженный людьми кусок земли. На нем, в истоптанном грязном снегу, на спине лежал Рок. Он весь был истыкан стрелами, из ран сочилась кровь. Глубокая рана поперек всего лица вывернула из-под кожи мясо и обнажила кость.

Раш удивился, когда заметил прерывисто вздымающуюся грудь северянина. Никогда раньше он не видел, чтобы человек оставался жив после того, как в него всадили с десятков стрел. Нападавшие, судя по всему, не рискнули подойти близко, предпочитая расстреливать беднягу с расстояния.

– Рок... Рок... – Хани упала на колени рядом с ним, растерянно, дрожащими руками пыталась зажать то рану на груди, то место в плече, из которого торчала стрела. – Потерпи. Сейчас придет Мудрая, она... она поможет.

Молодой северянин попытался что-то сказать, но из его горла вырвался невнятный булькающий хрип, на губах вспенилась алая слюна. Раш только подумал, что хорошо бы позвать Банрута, как врачеватель и сам вышел из толпы. В два шага он оказался возле Рока, бегло и деловито осмотрел раны.

Здесь же были и Миара с Арэном. Оба отмалчивались.

– Печень, легкие, желудок, – вслух перечислил Раш. Указал пальцем на стрелу, торчащую прямо в левой части груди. – Застряла между ребрами, иначе уже давно бы...

– Ты можешь что-то для него сделать? – дрожащим голосом спросила Хани. – Пожалуйста.

Раш почти физически чувствовал, как врачевателю хочется сказать хоть что-то ободряющее. Но он не сказал.

– Прости, госпожа.

Когда в круг вышла Мудрая, Рок был уже мертв. Старая женщина отдала несколько указаний: тело Рока подняли и унесли. После него остался только багряный силуэт, зловещий, тягостный.

– Не печалься, госпожа, – Банрут как мог пытался утешить ссутулившуюся под тяжестью горя Хани. – Рок погиб, как храбрый воин. Его имя не будет забыто.

Девушка отстранилась, невидящими глазами осмотрела стоящих перед ней и поднялась с колен. Подняв ладони к лицу, она еще какое-то время молча разглядывала кровь на подрагивающих пальцах. Раш видел, как беззвучно шевелятся ее губы.

А потом девушка изменилась. По ее лицу скользнула тень недоумения. Она чуть склонила голову набок, словно прислушивалась к невидимому собеседнику.

– Шараша идут, – сказала тихо. – Близо. До полудня будут здесь.

Толпа загудела, рождая обеспокоенные женские выкрики, но один взмах руки Мудрой успокоил жителей деревни. Очень вовремя, потому что теперь к ним вышел еще и староста. Огромный, он буквально высился над толпой, которая почтительно расступилась, образуя для

него живой коридор. Одет он был запросто, только по вороту его рубаху украшала гладкая вышивка рунического орнамента.

– Откуда ты знаешь про шарашей? – Он налетел на Хани, как лавина, того и гляди – снесет натиском силы.

Но девушка выдержала, ответила ему холодным взглядом.

– Рок сказал мне. Он убрал несколько ловушек неподалеку от Яркий, а потом попал в засаду. Их много, очень много.

Люди снова зашумели.

– Да он ни словом не обмолвился! – затрещала дородная тетка с топорщившимися из-под шапки немытыми волосами. – Врет она!

Сельчане поддержали ее, толпа снова загалдела.

– Ты смеешь тревожить духов, девчонка? Ну?! Отвечай! – Староста нависал грозовой тучей, яростно сжимал кулаки – так, что хрустели костяшки пальцев.

– Она фэйари, – вмешалась Мудрая. – Не тронь девочку.

– Пусть убираться, – уже спокойнее, но не сбавив злости, приказал староста.

– За частоколом шарашей, она сгинет в одиночку, ты это знаешь, староста Варай.

– Думаешь, Мудрая, меня заботит ее судьба? Кто знает, может, это они привели за собой людоедов.

Староста неопределенно обвел рукой, не указывая ни на кого конкретно, но было ясно, о ком речь.

– Нет времени вести спор. Нужно подготовиться. Собирай людей, староста, – всех, кто может держать оружие. Зови за собой. – Она повернулась к народу, который теперь странно притих и внимал каждому слову. – Прячьте в ямы детей и стариков, укрепляйте жилища и загоняйте скот в хлева: если шарашей прорвутся, то никого не пощадят.

Едва успел смолкнуть звук ее голоса, жители Яркий рассыпались по домам. Прошло немного времени, и возле того места, где скончался Рок, остались только Мудрая, староста, Хани и четверка путешественников. Раш нарочно держался позади остальных: уж больно тяжелым был взгляд Варая.

– А что будешь делать ты, Мудрая? – спросил староста. – Что будет с ней? – Он взглянул на Хани.

– Мы будем звать в помощь духов-защитников Яркий и молить Скальда смиростивиться.

В подтверждение своих слов старая женщина схватила Хани за руку, заставляя встать позади себя. Девушка послушалась. Она взяла в ладони пригоршню чистого снега, что лежал на приготовленных для большого очага поленьях, и растерла его, стряхивая с пальцев мутно-алую жижу.

– А вы? – Староста с сомнением посмотрел на путников. – Что будете делать вы?

– У нас нет выбора, – спокойно, сдержанно, в свойственной ему манере ответил Арэн. – Нам нужно попасть в столицу, но выехать сейчас будет слишком опасно. Поэтому мы остаемся. Я хороший воин и много знаю в искусстве военного дела. Если бы ты, староста, согласился принять мою помощь, мы могли бы укрепить деревню.

Варай не стал отказываться, но и не рассыпался в благодарностях. Раш мысленно выругался. В его планы не входила героическая смерть. Карманник пока не видел шарашей, которые, как он успел понять, были бичом Северных земель, но о людоедах представление имел. Насколько он помнил, твари Шараяны были на редкость живучи.

– Арэн, подумай хорошенько. – Раш выдержал многозначительную паузу. – Ты сам всю дорогу твердил про обязательства. Кто доставит послание, если мы все здесь провалимся в мертвое царство Гартиса?

Упоминание о каком-то послании насторожило старосту.

– Я никого не держу, – не поворачивая головы, сказал дасириец. – Если из деревни есть дорога или тропа...

– Есть путь в Хеттские горы, – сказала Мудрая. – Но там много огненных пещер. Хеттские горы кишат демонами.

Раш мысленно обозвал сельчан дуралеями. Демоны? Каждый ребенок знает, что эти существа давным-давно сгинули и теперь живут только в легендах, сказках да рассказах старых сплетниц. Но, видать, так далеко, у северного края Эзершата, своя истина.

– Демоны или людоеды – выбор невелик. – Миара покусывала губы, и от волнения ее щеки то вспыхивали, то бледнели. – Но если бы кто-то провел нас...

– Забудьте о проводнике, – грубо перебил таремку староста. – Каждая пара рук на счету. Хотите уходить – никто не держит.

– Я не уйду, – Банрут, который все это время отмалчивался, встал на сторону Арэна. – Я могу лечить и обучен обращаться с оружием.

– Раз нет проводника, то мне тоже придется остаться. – Миара лучезарно улыбнулась, будто не она только недавно сокрушалась, что хочет поскорее убраться из Северных земель.

Раш молчаливо согласился, всем видом давая понять, что делает это под принуждением, а никак не из доброты души. Он всегда презирал слепое геройство. Слишком часто на памяти карманника от него безрассудно и по-глупому гибли люди. Может быть, уже совсем скоро они вчетвером присоединятся к таким же самонадеянным, но неизвестно канувшим в небытие храбрецам.

– Шараши порченые, гнилые насквозь. От них можно подхватить порчу и разные хвори. Я видела тех, кто корчился в муках, пока черная кровь тварей растекалась по их жилам. И скорая смерть была бы милосерднее, чем такая кончина. – Мудрая говорила будто бы для всех чужестранцев, но блеклые глаза уставились на Арэна. – Вы должны знать, что северяне убивают всякого, кто подхватит порчу и чье тело не одолеет ее за положенный срок.

– Понял я, – сухо ответил тот.

Мудрая одобрительно кивнула.

– Нам бы сгодился план деревни, Варай, – заговорил Арэн, приободрившись, что товарищи не покидают его. – Еще солома и масло – все, какое есть. Я так погляжу, луки у этих тварей есть, и они знают, как с ними обращаться. Если развести вдосталь дыма – можно ненадолго схорониться от стрел.

Староста задумался, очевидно прикидывая, что за выгода для деревенских в словах дасирийца.

– Соломы мало, – ответил Варай, очевидно, решив согласиться на предложение чужестранца.

– Сколько есть. Пригодится всё. И пусть натаскают воды. Мы разложим солому за частоколом, смочим ее водой и маслом и подожжем. Дым закроет нас от стрел. Тогда врагам придется подойти ближе. Кроме того, нужно щедро полить маслом землю перед воротами, пусть жители соседних домов собирают весь скarb и уходят в дальнюю часть деревни. Огонь и дым собьют людоедов с толку. – И чуть тише добавил: – Если ветер будет нам в помощь.

– Будет, – уверила Мудрая.

Арэн

Арэн, сколько себя помнил, постоянно слышал от отца, что должен непременно стать воином, имя которого будут знать во всех уголках Эзершата. Все, от мала до велика, должны прославлять славный род Шаам, который породил героя и дал его людям, как тот светоч, что несет добро и истину. Маленьким Арэн думал, что отец хочет ему славной судьбы, радовался и подолгу слушал его рассказы о войнах, через которые тот прошел. Шаам старший стал на военную службу еще при императоре Тирпалиасе, который приходился дедом нынешней наследнице – семилетней императрице Нинэвель. Тирпалиас унаследовал от своей матери порченную кровь, и все годы его правления Дасирийская империя терпела садиста-императора. Смерть Тирпалиаса была скоропалительной и нелепой, как и его жизнь, и на трон сел наследник – чудак-коватый Нимлис, великовозрастное дитя. Скрыть, что сын императора глуп ровно настолько, насколько был жесток его отец, не удавалось даже придворным умникам, и великая держава стремительно скатилась в пучину беззакония. Власть перекочевала к советникам, большая часть которых давно кормилась с руки таремских магнатов и рхельских шпионов.

Нимлис тоже не задержался на троне. И тогда на императорский престол короновали малолетнего Сатара Третьего – темнокожего, как и его мать, эфратийская рабыня. К мальчишке-императору выписали регента: бойкого, молодого и дерзкого, как западный ветер, – Шиалистана, племянника рхельского царя Ракела и единоутробного брата императора-полудурка Нимлиса.

Полгода назад то ли волею случая, то ли с легкой руки неразоблаченных заговорщиков Сатар свалился с лошади и свернул шею.

В тот же день на трон империи спешно посадили сопливую Нинэвель, и регента Шиалистана подвинула ее мать – властная и тщеславная Фарилисса, которую за глаза называли Паучихой. Впрочем, предприимчивый Шиалистан недолго отсиживался в немилости: не успели похоронные колокола оплакать мальчишку Сатара, как фанфары, ликуя, оповестили о помолвке между Шиалистаном и новоиспеченной императрицей.

Дасирийская империя застонала под пятой рхельского шакала и регентствующей императрицы-матери. Менялась власть, менялись советники. Легкой закорючкой Нинэвель заваряла все указы, по-детски послушная слову матери. Отправлялись в отставку военачальники Первой руки, следом Второй и Третьей. Затевались реформы и новострой, подчас слишком смелые и абсурдные, чтобы списать их только на дурость дорвавшейся до власти сучной бабы.

И все же, несмотря на потуги Паучихи всюду совать свой нос, всем по-прежнему заправлял Шиалистан.

Шааму-старшему удалось сохранить за собой должность военачальника Первой руки при трех императорах, но Шиалистан неустойчиво и не таясь наставлял в Дасирийской империи свои порядки. Он лишил военачальников права не платить земельные налоги, нарушив указ, принятый сотню лет назад благословенным императором Гиравом Великим. Волна недовольства прокатилась среди знати, но указ был издан, внизу пергамента стояли императорская подпись и оттиск перстня, и против этого никто не посмел выступить открыто.

Многие военачальники объявили свои владения независимым от Дасирии, а себя назначили вольными королями. Очень скоро их земли пали под натиском варварских племен, некоторые разорились, а бывшие великие полководцы коротали век глубоко в неприступных подземельях своих твердынь.

Старший Шаам хранил верность империи и императору, но презирал регентствующую императрицу-мать и Шиалистана, не таясь называя его то «рхельским душегубом», то «щенком шлюхи Бренны».

Шаамы впали в немилость, их богатые уголья подвергались постоянным набегам варваров, а потому стремительно хирели. Рабы удирали, прихватив часть серебряных приборов и припасов из кладовых. Вскоре в Орлином замке остались лишь повариха, старая нянька-рабыня, через руки которой прошли все отпрыски Шаама-старшего от всех его жен, и несколько самых преданных воинов-ветеранов с семьями. Арэн было больно смотреть, как мать с другими женами отца часами напролет лютят слезы, подкошенные нищетой.

И все же, несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на подвластные Шаамам земли, Орлиный замок оставался для Арэна родным домом. Здесь он бывал гораздо чаще, чем в своем собственном. Родовое гнездо – отдельный мир, в котором всегда встречало родительское тепло. Даже когда отец приезжал после ревизии подвластных земель, взвинченный, хмурый, как грозовая туча, жены находили для него ласковые слова, а дети – улыбку.

Когда Шаам-старший позвал к себе Арэна и сказал, что ему нужно ехать в Северные земли с посланием, от которого зависит судьба Дасирии, он не смог отказать. Ту ночь они провели у камина в долгих душевных беседах. Отец постоянно прислушивался к шорохам, замолкал на полуслове, услышав далекий волчий вой.

«И в камнях живут соглядатаи», – то и дело повторял он, чашу за чашей опрокидывая в себя крепкий эль.

Когда горизонт за окнами дрогнул зарей, Арэн узнал, что именно ему нужно сделать на благо империи. Но рассвет принес не только ответы, но и встречу с гостем – с бывшим военным министром. Плешивый старик не мог обходиться без палки, его глаза поблекли, а рот лишился многих зубов. Но отец уважал немощь, к тому же они со стариком Юшаной были давними друзьями. Министр привез два свитка, один из которых был спрятан в зачарованный глиняный туб и залит оловом с двух концов. Арэн получил свитки и устные наставления обоих, с чем и отбыл.

Предстояла долгая дорога в самое сердце зимы.

– Ты уже подумал, что случится, если никто из нас не выберется живым? – Раш, который в последние часы не упускал случая ругнуться, как раз закончил присыпать снегом веревки, лежащие поперек дороги.

По замыслу Арэна, в назначенное время двое крепких парней должны будут натянуть их и задержать людоедов. Куда надежнее была бы пара цепей, но небольшая деревенька пускала добытое железо только на оружие и наконечники для стрел. Арэн успел заметить, что большая часть деревенской утвари сделана из глины и бронзы.

– Я предпочитаю думать, что закат мы встретим все вместе, – ответил дасириец. – В здравии.

– Экий ты мечтатель.

Арэн передернул плечами – другого от нишана он и не ждал. Раш всегда сторонился смерти, только прятал страх не за бравадой или в хмельном забвении, а брызжа ядом направо и налево.

– Сможешь сделать еще своих зажигательных смесей?

– Помнится, ты говорил, чтобы та фляга была последней.

– Говорил. И ту флягу ты использовал, когда под стены моего замка пришли нажученные Багартом крестьяне. О той, что в лесу, я не знал. Ты нарушил мой приказ.

Раш нарочито потупился, всем своим видом давая понять, что очень сожалеет. Арэн отлично знал, что ни о чем нишан не сожалеет. Напротив, считает все свои решения абсолютно верными. Что ж, сейчас с ним спорить было бы сложно. Да и зачем?

– Но она спасла нам жизни. Так сможешь или нет?

– Посмотрим, что тут у них найдется.

Раш был редкой занозой в заднице, но если он что-то брался делать, то делал как следует. Арэн знал, что за угрюмым выражением лица скрывается банальный протест: нишан не любил

играть по чужим правилам. В тот день, когда они встретились и та встреча спасла Арэну жизнь, на Раше был обрывок рабской цепи. Он попросил Арэна дать клятву никогда не спрашивать, откуда она. Арэн взамен дал клятву, что берет его за брата, которого у него никогда не было. И, удивительное дело, даже всем и всегда недовольный Шаам-старший не стал против такого решения и собственноручно провел церемонию кровосмешения.

– Может, девчонке померещилось? – Нишан поднял голову, разглядывая яркий, стоящий почти в зените солнечный диск.

– Может. Я больше верю своим глазам. А они видели, что случилось с Роком. Преследователи могут прийти за ним по следу. Не сегодня, так завтра или послезавтра.

– Но мы же не станем торчать в этой дыре, дожидаясь, когда людоеды решат напасть?

– Не станем, конечно, – успокоил Арэн. Он отвлекся, провожая взглядом пацаненка лет пяти. Тот тащил обеими руками увесистую дубину, прогибаясь под ее тяжестью. – Тебе может показаться странным, но раз уж мы здесь, я хочу сделать хоть что-то для них.

Раш ухмыльнулся, но удержался от гаденького ответа, развернулся на пятках и затерялся между спящими селянами.

Мудрую Арэн узнал не сразу. Она облачилась в длинное свободное одеяние, которое спадало до самых пят, заплела седые волосы в косы. За ней шла Хани и несколько девочек помладше, годков десяти с небольшим. Мудрая остановилась возле него, и Арэн выдержал ее долгий изучающий взгляд.

– Они уже близко, – сказала она, – я слышу топот сотен ног.

– Мы готовы. Не знаю, что за враг сюда заявится, но мы достойно его встретим. – Арэн позволил себе легкую усмешку. И заметил, как Хани едва заметно улыбнулась в ответ.

Старая женщина направилась к стене, ее маленькая свита двинулась следом.

– Спасибо, – шепнула Хани, проходя мимо, и коснулась его руки.

Похоже, медлить больше нельзя. Арэн собрал часть людей у стен и приказал лучникам засесть под самым частоколом. Вместе с ними была Миара, сменившая свой роскошный наряд на простую, явно с чужого плеча одежду. К поясу таремка приторочила пояс с ножами и как раз разминалась с саблей, выписывая в воздухе оружием такие вензеля, что Арэн невольно залюбовался. Раш и Банрут остались со старостой и второй частью маленького войска вооруженных сельчан. Арэн глядел на них поверх ряда вил и дубинок и не давал черному отчаянию травить душу.

Мудрая взойшла на небольшой помост, наспех сооруженный из бочек и досок. Хани протянула ей посох, увенчанный деревянным набалдашником, а сама встала рядом. На сей раз северянка тоже основательно вооружилась: луком со стрелами и простым мечом.

И тут Арэн услышал первый рык, быстро сложившийся в нестройный рев из сотен точно таких же луженых глоток. Дасириец выглянул сквозь щели в частоколе. Сперва он не видел ничего, кроме неведомо откуда взявшегося темного марева, стелившегося по снежному покрову. Но с каждым мгновением оно приближалось, напирало, как волна. Рык стал сильнее, яростнее. Теперь даже Арэн мог слышать топот ног. А потом из клубящегося темного тумана стали появляться точки, неясные силуэты. Некоторые бежали на четырех ногах, будто волки, некоторые – на двух.

Признаться, неведомый враг внушал толику страха, затрагивал в душе какие-то потаенные струны, от звучания которых хотелось не сражаться, а бежать. И бежать как можно дальше. Прочь из этого ледяного безумия.

– Поджигай! – скомандовал Арэн и махнул рукой.

Несколько лучников на стене разом обмакнули стрелы в густое масло, поднесли их к факелам. Залп – воздух рассекли огненные росчерки. Мгновение ожидания – и стрелы одна за другой упали за стеной. Вокруг каждой тут же взвивались жадные языки пламени, но долго они

не жили – опадали, почти исчезали во влажной соломе. Дым поднялся почти сразу, сгустился, разбежался в стороны, потянулся к небу.

– Стрелять по моему сигналу! – выкрикнул Арэн и первым натянул тетиву.

Солома, политая сверху водой, не позволяла огню поглотить себя, а масло не позволяло ему издохнуть. Воздух наполнился едкой вонью.

– Скальд, не оставь своей милостью! – Мудрая расставила руки, будто готовилась взлететь. Ее тело обняли вихри, над Яркой пронесся первый порыв ветра, потом еще один, и еще. Они следовали друг за другом, собираясь вокруг Мудрой, послушные ее приказам. Она собрала их за невидимые хвосты, а потом в один миг освободила. Ветер рванулся прочь, за стену, подхватывая все, что попадалось на пути. Клубы дыма, подхваченные его крыльями, устремились в сторону ревущих людоедов. Кровожадный боевой клич сменился унылым завыванием.

Арэн криво усмехнулся.

«Что, не нравится?»

Первый залп северяне сделали ровно тогда, едва только твари показали по эту сторону дымовой завесы. Закрывая лицо, кашляя и спотыкаясь, шараша оказывались на открытом пространстве, но теряли драгоценные мгновения, все еще дезориентированные неожиданной удушливой напастью, только что оставленной за спиной. Этим и воспользовались защитники Яркой. Их стрелы раз за разом находили свои жертвы, основательно выкашивали ряды особенно жадных до крови тварей. Но остановить их все же не могли. Людоедов было слишком много, а надвигались они слишком быстро.

Никогда прежде Арэн не видел таких пожирателей человеческой плоти. Они были намного крупнее тех, что ему довелось повстречать в битве у Мертвых равнин. Странная смесь человека и зверя: с полными острых зубов пастьями и несуразно длинными когтистыми руками. Их тела украшали ожерелья из кусков плоти, местами обуглившейся, местами начавшей гнить, – даже запах дыма не мог заглушить расплзающийся тошнотворный запах разложения.

Те, что перемещались на двух конечностях, несли с собой оружие – ржавые мечи и луки. Остальные, подобно стае бешеных волков, не страшась ничего, мчались, низко припав к земле, а затем прямо на ходу взмывали в воздух в высоком прыжке.

Послышались первые звуки рукопашной схватки, торжествующие вопли шарашей.

Арэн, который не переставал выпускать одну стрелу за другой, выругался сквозь зубы. Он надеялся, что нападающие понесут гораздо большие потери от обстрела северян, но людоеды попросту вырывали стрелы из своих тел, словно занозы, и продолжали наступление. На снегу осталось лежать не так много тел.

Бой внутри частокола ширился, подобно кругам, расходящимся от падения в воду камня.

– У них таран! – выкрикнул кто-то на стене.

Арэн метнулся вдоль частокола.

Проклятье! Откуда у безмозглых пожирателей плоти взялся таран? Откуда в их червивых мозгах взялась идея практически полноценного штурма? Арэн сплюнул. Обо всем этом он обязательно подумает потом, у теплого очага.

Первый удар потряс запертые ворота, но те, несмотря на жалобный треск, устояли.

Дасириец бросил взгляд вниз – порядка дюжины шарашей вцепились в старое корявое бревно и как раз разбегались для нового удара. К ним, формируя импровизированный кулак, стягивались завывающие собратья.

– Поджигай! – закричал Арэн.

Пара огненных росчерков метнулась под ноги безумных тварей. Тут же вспыхнуло, охнуло, застонало. Сильный жар ударил в лица защитников. Но сквозь вой бушующего пламени, которое в мгновение охватило большое пространство перед воротами, надрывным сто-

ном пробивался вопль сгорающих заживо людоедов. Объятые пылающей смертью, они кубарем вылетали из огня и бросались на землю, катались в тщетных попытках спастись.

Но самым ужасным было то, что твари, держащие таран, не бросили своей ноши и не бежали. Обернувшись ходячими факелами, они все равно продолжили атаку. Арэн видел, как обугливалась их кожа, как горело мясо, как пламя жадным хищником пожирало их глаза, но таран продолжал движение. На смену мертвым тут же вставали живые.

Удар в ворота! Треск ломающегося дерева.

Арэн бросил лук, спрыгнул вниз. Здесь уже готовились отразить натиск. Кое-кто из мужиков свирепо ревел, будто вознамерившись заглушить вой шарашей. Северяне размахивали дубинами, и дасириец в очередной раз удивился этому народу: еще утром они убрали навоз из сараев, а теперь поглядите на них – заправские воины, яростные и беспощадные. Он не сомневался, что им хватит храбрости ринуться на врага, но у него был свой расчет, как держать оборону: прежде чем спустить кельхов с цепи, дасириец рассчитывал максимально ослабить врага.

– Вы, – он поочередно перевел взгляд на двух сельчан, державших края спрятанных под снегом веревок. – Не пропустите момент. Они должны задержаться здесь. Миара... под ногами сильно не путайся.

– Уж меня-то не поучай, – таремка подбоченилась, будто готовилась встречать самого короля.

– Предупредите кто-нибудь старосту, пусть готовится помогать.

Последние слова утонули в новом ударе тарана. Арэн метнулся в сторону, где под частоколом лежал заранее подготовленный щит. Дасириец как раз успел сменить оружие, когда таран пробил в ворота брешь. Северяне напряглись, ожидая еще одного удара, того, который наверняка повалит единственную преграду на пути в деревню.

Удар! Ворота жалобно затрещали, распахнулись, одна створка медленно повалилась внутрь.

В ощеренную обломками брешь хлынул черный ревущий поток. Он шевелился, как ужасная сороконожка, и сминал всё на своем пути.

Когда деревенские натянули веревки, первые людоеды пали, преграждая путь остальным. В считанные мгновения образовалась живая стена тел, через которые остальным приходилось уже перелезать. Засвистели стрелы, смертельным дождем пролились на людоедов. Шараша рвались вперед, падали и снова ползли. Многие из них еще горели, многие не смогли сделать и нескольких шагов. Но гибель сородичей нисколько не смущала тех, кто только-только вбегал в раскрытые ворота.

Людоеды прорвались. Ходячие на двух ногах перегрызали глотки своим же раненым и швыряли их в огонь. Едва в огненной стене появился проход, остальные хлынули в него, понеслись убийственным потоком. Арэн перехватил меч удобнее и, не дожидаясь, пока на него нападут, рванулся в самую гущу. Острый клинок пронзил гниющее тело шараша. Людоед задержался, пытаясь соскочить с лезвия: этот был двуногим, скорченным и отвратным. Дасириец чуть не задохнулся от вони, исходившей от него. Провернув меч, выпустил уроду потроха, затем резко рванул на себя оружие, одновременно пнув шараша ногой в грудь. Развернулся и нанес резкий удар сверху вниз, рассек попавшего под клинок людоеда от плеча до грудины.

Он рубил и колол, пот струился по коже, застилал взор, но отточенные годами инстинкты воина помогали там, где подводило зрение. Воздух загустел от вони разложения, смрада горелой плоти и свежей крови. Безумные вопли шарашей смешались с громогласными ругательствами северян. Время от времени в гуще сражения раздавались победоносные женские выкрики пополам с крепким словцом, которые находили отклик в многоголосом мужском реве. Миара, харстова зараза, молодец!

«Всё должно получиться!» – убеждал себя Арэн. Он вошел в раж, занялся методичной рубкой, как это было всегда, когда разум отступал в тень, освобождая место холодному расчету профессионального убийцы. Очередную голодную тварь он с размаху рубанул ребром щита прямо в переносицу, и шараш изрыгнул на него черную мерзость пополам с плохо прожеванными кусками мяса. Хаос его задери! Арэн с наслаждением отсек ему башку.

Краем глаза дасириец увидел метнувшиеся белым пламенем косы Хани. Северянка куда-то стремительно бежала, прикрываемая парой бравых воинов. Каждый из них орудовал внушительного вида топором. Головы и конечности людоедов так и летели во все стороны. Что-то не так, раз девушка покинула Мудрую. Арэн не мог поверить, чтобы девчонка спасалась бегством. Слишком упряма для этого. Значит, новая напасть? Вот только время не до расспросов. Дасириец попросил богов смилостивиться над всеми ними и нанизал на жало меча очередного шараша.

Хани

Запах смерти смешался с горячим воздухом.

Хани задыхалась. Каждый шаг давался с трудом. Хотелось упасть в одну из снежных куч и забыться в холоде сном без видений. Но Мудрая приказала бежать со всех ног. Хани не спрашивала, зачем и что предстоит сделать, она послушно исполнила повеление.

Битва кипела повсюду. Шарашаи прорвались и теперь бросались на всех, до кого только могли дотянуться. Нет, зря их сравнивали с животными. В этих безумных глазах, налитых болезненным гноем, не было места разуму – одному лишь неутолимому голоду.

Она будто нырнула в гущу сражения. Крики, боль, рев – все обрушилось на голову, сминая остатки храбрости. На лицо и одежду тут же брызнули алые кляксы крови и черные капли мерзости, которая текла в жилах шарашей. Если бы не двое, чьих имен Хани не знала, ее постигла бы ужасная участь лежать в грязном снегу с разорванным в клочья телом. Но мужчины прикрыли ее.

Когда сражение стало редеть, одного из ее защитников поразил ржавый меч. Воин успел убить обидчика и еще парочку его сородичей, прежде чем рухнул на землю. Хани вскрикнула, сторонясь мертвого взгляда светлых и чистых, как рассветное небо, глаз.

– Осторожнее, эрель! – Второй воин дернул ее за шиворот, прижал к себе огромной рукой, второй орудуя окровавленным мечом.

Хани зажмурилась.

Раньше она никогда не видела нападения шарашей вживую.

Обычно людоеды шли небольшими ордами, около полусотни голов или даже меньше. Детей, стариков и нерожавших девушек прятали в подполы и подземелья под замком. Они сидели тихо, дожидаясь, пока остальные прогонят людоедов.

В те дни Хани была совсем девчонкой, а потому своими глазами видела лишь последствия яростных сражений, когда мертвых уносили на ритуальное кострище; ходила по кровавой снежной жиже, представляя, как храбро сражались соплеменники. Взросление пришлось на те времена, которые после называли Временами покоя. Многие поговаривали, будто Скальд обратил взор на Северные земли и избавил своих детей от скверны; другие утверждали, что шарашаи испугались силы воинов Кельхейма и больше никогда не посмеют ступить за пределы Пепельных пустошей. Но реальность оказалась совсем не такой радужной, как обещали пророки.

Когда воин вытолкнул ее перед собой, буквально отбросив на землю, Хани почти ничего не соображала. Еехватило только на то, чтоб немного отползти и осмотреться. Защитник стоял на коленях, удерживая в руках длинное грязное копье, проткнувшее его насквозь. Перед воином распластался обезглавленный людоед.

– Беги! – не оборачиваясь, прорычал северянин.

К нему, жутко скалясь и заливаясь безумным хохотом, спешил обгорелый шараш.

«Вставай, Хани», – раздался голос в голове.

Она до сих пор не могла привыкнуть к ним – умершим, которые хотели говорить с нею. В последнее время такое случалось не часто, но за сегодня – уже дважды.

Голос принадлежал Року, и оттого сделалось еще горше. Она всхлипнула. Хотелось дать волю слезам. И все же она не разревелась. Сжав зубы, поползла прочь.

«Спеш! Скорее, со всех ног!» – требовал голос.

Подняться и бежать! Пусть разъезжаются ноги в жидкой, топкой грязи, пусть гремит и завывает в ушах. Она должна!

Позади остался ляг клинков, а путь вперед скрывала завеса белесого тумана, странная мгла, сквозь которую ничего не разглядеть.

Хани подняла с земли обломанное древко вил, оперлась о него. «Нужно ли идти прямо в туман?» Голос Рока велел идти. Она не стала спорить и медлить, а уже через несколько шагов перестала понимать, куда несут ее ноги. Шаг за шагом, окруженная маревом сражения, Хани шептала молитвы. Несколько раз она пыталась зачерпнуть силу, но трусость брала свое. Нельзя, никто не должен знать.

А потом вокруг началась возня. Неясные тени ходили кругом, оглушающий звон повстречавшихся клинков полоснул по ушам. Она продолжила идти, и вскоре мгла рассеялась, обнажив новое поле битвы.

Отчего-то пылали дома, в небеса поднимались столбы черного дыма. Земля, куда хватало глаз, алела от пролитой крови. Мертвые шараша, мертвые северяне, отрубленные части тел. В звуках битвы растворился даже голос Рока. Или ее проводник просто исчез, выполнив то, зачем пришел?

– Наши... дети! – В подол ее платья вцепились скрюченные руки женщины. Ее лицо заливала кровь. Стрела поразила селянку в горло, голос женщины булькал на предсмертном вздохе. – Они забирают наших детей...

Последние слова утонули в кашле, и несчастная рухнула мертвой.

Зачем им дети? Живые дети?

Хани выдохнула и зачерпнула силу. Ладони наполнились знакомым пульсирующим покалыванием, бьющимся в унисон ударам собственного сердца. В пылу битвы детские крики были едва слышны.

– Там! – Кто-то с силой схватил ее за плечо, северянка с трудом сдержала крик боли. Перед нею, весь в крови и черной мерзости шарашей, стоял староста. Его грудь шумно вздымалась, рот перекосился от боли – в плече мужчины торчал ржавый обломок меча. – Они прорвались, выбили брешь в стене. Твари забирают наших детей! Ты же можешь говорить с духами-защитниками, заклинаю всеми богами Эзершата – помоги!

Хани рывком плеча скинула его руку. Значит, теперь он о помощи просит? И за частокол прогонять не собирается? Лицемер.

Злость придала решительности.

В безумии схватки она увидела Раша. В руках чужестранец сжимал окровавленные кинжалы и ловко орудовал ими. На его поясе болталось несколько небольших фляг.

Сделав очередной смертоносный выпад, Раш тоже заметил ее. В глазах чужестранца плескалась какая-то лихорадочная, нечеловеческая радость. Если и был в бездушной рубке хоть кто-то, кто наслаждался происходящим, – так это он. Карманник поелозил языком по зубам, смачно сплюнул в снег кровавый сгусток и, легким неуловимым движением развернувшись, проткнул глотку крадущемуся сзади шарашу.

Чужестранец быстро поправился с ней, но, прежде чем сказать хоть слово, замахнулся кинжалом. Девушка зажмурилась, не ожидая предательства. И поняла, что произошло, когда прямо над ухом раздалось сдавленное хрипение.

– Что ты творишь?! – зло прошипел ей в самое лицо Раш и вцепился в ее руку. – Думаешь, эти милые люди пощадят тебя после того, как ты спасешь их жопы?

– Но я могу спасти их.

– Тогда я тебе руки сломаю – и спасу тебя. А они как-нибудь сами разберутся.

Хани ничего не знала об этом человеке, чье лицо отчего-то казалось смутно знакомым, но знала – он так и сделает. Даже раздумывать не станет.

– Мне нужна помощь, – взмолилась она. – Позволь спасти хотя бы детей. Я могу позвать духов-защитников.

– И никаких фокусов? – Он так крепко стиснул ее запястье, что у Хани от боли слезы на глазах выступили.

– Никаких фокусов, – ответила она.

– Пойдем. И хоть иногда смотри по сторонам.

Он увел ее в сторону, за дома, где от гари нечем было дышать, но зато здесь их скрывал дым.

– Эти ваши... шараша привели с собой тролля, – быстро говорил Раш, замолкая, только когда они входили в дымовые завесы. – Большого, взрослого. Он раскидал половину людей, прежде чем мы поняли, что происходит. А вслед за ним пришли новые твари.

– Откуда тролль... – Хани не ждала ответа.

– Он добрался до одного убежища и выпотрошил его.

Детские крики стали громче. Теперь Хани слышала их совсем рядом, будто все другие шумы умолкли.

Из-за покосившегося дома с рухнувшей крышей раздался яростный рев, и появилась нога тролля: огромная, покрытая грязно-серой чешуей. Хани почувствовала, как ужас сковывает тело. Тролль, которого убил Рок, был едва ли не в четверть размера этого, и его кожу покрывала не такая плотная чешуя.

Хани едва могла шевелить губами, мысли медленно ворочались в голове.

Тролль показался целиком, навис над женщинами, которые отчаянно пытались защитить детей, спрятанных в глубокой яме. Громадина размахивала тяжелыми когтистыми лапами, хватала несчастных и швыряла прочь, как сломанные игрушки.

– Я позову духа-защитника! – решила она. От принятого решения в голове странным образом прояснилось. Больше никаких сомнений. – Правда, не знаю, как долго смогу держать его.

– Мне-то что делать?

– Охранять меня.

Хани встала на колени, ослабила ремешок, которым перевязала косы, и те вновь зазмеились по плечам и спине. Она не стала говорить Рашу, что никогда прежде не звала духов-защитников.

Рок молчал, но присутствие незримых наблюдателей ощущалось Хани всей кожей. Северянка прикрыла глаза, обращаясь к внутреннему взору. Голова закружилась, отяжелела. Хани тряхнула косами, запрокинула голову, раскачивая тело подобно маятнику.

– Чтоб тебя харсты драли! – лающей бранью залился Раш, и рядом с тем местом, где сидела наполовину впавшая в небытие Хани, что-то грохнулось, вздымая в воздух фонтан из снега и грязи.

Хани оставалось лишь надеяться на расторопность незнакомца. Пути назад нет. Она нащупала тонкую нить – проводник между миром живых и миром мертвых. Мудрая не давала своего дозволения, чтобы тревожить местного духа-защитника, но Хани было не до дозволений. Для раскаяния будет свое время, как и для наказания, которое за ним последует.

Дух молчал. Хани молила смириться и прийти на помощь, но он оставался глухим. Перед ее затуманенным взором плясал хоровод искр, светившихся на манер радуги, всеми цветами сразу. К горлу подступил ком. Она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Единственным, что напоминало о мире живых, остались детские крики о помощи.

Бесполезно. Она может хоть задохнуться в беззвучном вопле, но никто не отзовется и никто не придет.

«Хватит просить его – прикажи...» – шепнул мягкий женский голос. Он был таким реальным, что Хани на миг встрепенулась, заозиралась по сторонам в поисках женщины. Но рядом был только чужестранец и несколько шарашей вокруг него.

«Он подчинится твоей порче, потому что она куда сильнее, чем бесплодные попытки выдать себя за колдунью», – продолжал голос.

Рев повторился, а следом за ним ветер принес новую горсть детских воплей о помощи. Рядом что-то громко ухнуло оземь. В Хани полетели куски грязи и брызги крови. Совсем рядом

с неестественно вывернутой головой распласталась юная северянка, едва ли старше ее самой. Ее голова превратилась в кровавую грязную кашу, обломки черепа перемешались с раздавленным мозгом. Сколько еще северян должно умереть, прежде чем она наступит на глотку своему страху и сделает то, что может и должна сделать?

«Я приказываю тебе, – потребовала Хани, когда воздух часто завибрировал. Ее слова рвали горло. Выплескивались незримой кровавой пеной. – Подчиняйся мне, иначе я обращаю твою душу в прах!»

Виски раскалывались, череп трещал и сминался.

«Я отдам свой дух, я подчиняюсь...» – прогудел низкий голос. Хани хотелось заткнуть уши, сунуть голову в снег, лишь бы не слышать больше ни звука. Казалось, еще одно слово – и ее саму разорвет на куски.

Голос все нарастал, оглушал, подобно каменному обвалу в горах. В конце концов, в нем исчезли все мысли, потонули остатки связи с миром живых.

– Вставай, вставай же! – Голос Раша вырвал ее из небытия. – Не знаю, что ты шаманишь, но лучше убраться, пока нас не достал тролль!

Она отстранилась, не поднялась с колен. Невидящим взором уставилась на тролля. Тот уже стоял над ямой, в которой прятались дети, и собирался запустить туда лапу. Ребятня отчаянно пищала. Вокруг лежали их матери – поломанные, разорванные на куски.

Почему он медлит?

Повеяло холодом. Чуть дальше от того места, где бушевал тролль, завертелся черный волчок. Он рос и ширился. Когда в вихре появились первые, еще размытые очертания, Хани слабо улыбнулась.

Дух-защитник, снежный медведь, встал на задние лапы, и его рев прокатился эхом по деревне. Тролль замешкался, так и оставшись стоять с поднятой лапой. В бесплотное черное тело полетели стрелы шарашей, но ни одна не причинила вреда – все пролетели насквозь, не встретив преграды.

– Чтоб я ослеп, – глаза Раша расширились от увиденного.

– Он подчинился, – прошептала Хани.

Девушка чувствовала, как силы стремительным потокам покидают ее тело. Дух черпал слишком много, слишком глубоко. Колючий холод сковывал движения, прикидал в самое нутро. Она знала, что не сможет бороться долго. Знала, что все равно проиграет, но отступить не собиралась. Только не теперь.

Бестелесный хищник уже ринулся в бой. Его клыки пронзали тела подоспевших людоедов, зверь высасывал их жизни и швырял омерзительные тела оземь. Тролль же пятился, глуховато ковырял пальцем живот, переминался с ноги на ногу. И именно в этот момент чужестранец одну за другой швырнул в него те самые фляги, что таскал на поясе. Тролль взревел так, что, казалось, вот-вот обрушатся сами небеса. По его телу потек жидкий огонь. Тварь принялась подпрыгивать на месте, пытаясь сбить с себя пламя. Под ее огромными ступнями тут же сдохло несколько неудачливых шарашей. Но огонь уже растекался по чешуе, прожигал ее, струился по венам, проступал под толстой шкурой алыми бороздами. Наконец, тролль сообразил грохнуться наземь, принялся валяться, попутно по бревну раскатав ближайший дом. Огонь начал сдаваться. Еще немного – и он погаснет вовсе.

Призрачный медведь огласил округу яростным воем и бросился на могучего противника. С легкостью бестелесный дух-защитник взобрался на обезумевшего от боли тролля и принялся вбивать его в мерзлую землю.

– Они отступают, отступают! – прокатилось по Яркий многоголосое эхо северян.

Хани вынырнула из полубреда, ошалелым взглядом обвела место побоища. Разум сообщал все еще очень туго, перед глазами все плыло.

– Давай помогу, – Раш протянул ей руку.

Она отшатнулась от него.

– Нельзя, отойди, – она отползла в сторону.

Мысленно уже просила духа остановиться. Тот, разделавшись с троллем, повернул голову. Пустой взгляд устремился на Хани. Черная морда ощерилась. Под призрачным мехом проступили гниlostные пятна, с морды густо стекала черная липкая жижа. Что-то словно разъедало его изнутри, пробивалось наружу сквозь призрачную плоть. Медведь обнажил клыки, как бы хвастаясь гнилыми деснами, из-под которых сочилась зеленая сукровица, и медленно пошел прямо на северянку.

Хани попятилась.

«Что ты со мной сделала?!» – пронесся в голове нечеловеческий вопль.

Раш не стал церемониться, а попросту схватил ее за локоть, дернул вверх так, что в плечо хрустнуло. Северянка взметнулась на ноги, бросила на него колющий взгляд. Чужестранец неловко ступал на правую ногу, а еще у него кровоточил бок, но все же Раш завел ее себе за спину. Медведь приближался, Хани ощущала зловонный смрад из его пасти. Еще несколько шагов – и могучая лапа сметет их обоих.

Она даже не задумалась о том, что делает, повиновалась глубоко внутри сокрытому инстинкту: хватанула силу прямо из воздуха и, не колеблясь, швырнула черный сгусток прямо в разъявленную пасть.

Зверь печально завыл, затряс мордой, на миг его безумные глаза прояснились, и северянку пронзил тоскливый взгляд какой-то безымянной воительницы. А потом медведь разом обратился в пепел. Ветер подхватил серое облако, встряхнул его, разорвал на множество частей и понес прочь.

Раш обернулся через плечо, их взгляды скрестились.

– Я предупреждал, чтобы ты не делала глупостей, – сквозь зубы прошипел он.

Пошатываясь, Хани едва стояла на ногах. Глаза закрывались, а сознание норовило удрать в заоблачные высоты.

Она не успела ничего ответить, потому что на нее, словно снег на голову, свалилась Миара. Она вся, с ног до головы, была перепачкана черной кровью шарашей, но сама выглядела как будто невредимой. Не считая внушительного кровоподтека на подбородке и разбитой губы.

– Первый раз видела духа-защитника! – Она остервенело потрясла Хани за плечо, как будто боялась, что одних слов будет недостаточно, чтобы выразить весь восторг. – Напишу песню о медведе Яркий, клянусь Равновесием!

– Хаос вас всех подери, – угрюмо бросил Раш. Он наклонился, взял пригоршню припорошенного пеплом снега и размял в кулаке. – Совсем бабы умом тронулись – жди беды!

– Он бывает редким засранцем. – Миара протянула руку, и Хани приняла помощь с немой благодарностью. Таремка подставила плечо, придерживая северянку за талию. – Есть тебе больше нужно, – ворчала она, – костлявая, что карга.

– Карги не костлявые. Поедем в Кельхейм, – она перевела дыхание, – заедем в Шодайское остролесье, поглядишь на настоящих карг.

– Ну, уж нет, милая, боюсь, я по горло сыта северными чудесами. Да ты еле дышишь. А ну-ка, идем отсюда.

Они прошли совсем немного, прежде чем дорогу перегородили Мудрая и староста: старая женщина хмурилась, мужчина как раз выдернул из бедра обломок стрелы и швырнул ее Хани под ноги.

– Ты порченная, – звенящей в голосе выюгой, сказала Мудрая. – Шилихана-Медведица – самый старый из духов-защитников Яркий, она всегда помогала нам в битвах против шарашей. А ты осквернила ее Шараяновой порчей.

– Тролль хотел забрать детей, – спокойно ответила Хани. – Я позвала вашу защитницу, но ей и дела до вас не было! И мне пришлось ее подчинить, чтобы спасти тех, кого еще можно было спасти.

– В холодную¹⁰ ее да руки покрепче связать, – прорычал староста. – Сейчас нужно позаботиться о раненых. А с этой завтра разберемся.

– Она же спасла ваших детей!

Все взгляды обратились к Миаре.

– Не вмешивайся в наши дела, – предупредила Мудрая. – А ты, Варай, не горячись. Я сама с ней разберусь.

Хани чувствовала, как Миара подалась вперед, но споткнулась о взгляд Мудрой.

– Не нужно, – северянка отстранилась от чужестранки. – Я пойду с ними по своей воле.

– Мои ученицы готовят места в амбаре, отнесите раненых туда, – велела старая северянка старосте, – о них позаботятся. Если на то будет воля Скальда, к ночи узнаем, скольких заберет порча. Да соберите погребальный костер для наших воинов, с первыми звездами буду просить Скальда принять их достойно. А шарашей сожгите за холмом.

¹⁰ Холодная – яма, где держат пленников.

Катарина

Баттар-Хор, столица Рхельского государства

Малый тронный зал пустовал. Круглые окна под самым потолком, выложенные разноцветной мозаикой, пропускали внутрь солнечный свет. Центром зала служил стол резного дерева, покрытый лаком и отполированный до блеска. Вокруг него – стулья с мягкими подушками и подлокотниками.

В стороне, заняв собою весь угол, потрескивал дровами камин, рядом устроился приземистый столик для шахматной игры. Вдоль стен растянулись скамьи.

Основным украшением Малого тронного зала служил царский престол. Он стоял на помосте, покрытом парчой: высокая спинка, обитая белым атласом, по которому вверх тянулись вышитые золотом и серебром стебли причудливых растений, в изголовье – россыпь драгоценных камней. На подлокотниках белого золота играли солнечные блики.

Именно здесь царь Рхеля принимал своих советников и почтенных гостей, с которыми желал вести беседы с глазу на глаз.

Распорядитель побеспокоил Катарину лишь за полдень следующего дня. Привычно раскланявшись, Киран передал на словах приглашение Ракела: царь просит гостью присоединиться к нему в Малом тронном зале. Сегодня Катарина с особой тщательностью подобрала наряд. Строгий силуэт темно-вишневого платья, разбавленный по пройме лентами, всего на тон светлее основной ткани. Рабыни гладко подобрали ее волосы, шею украсила лишь одна нитка жемчуга.

Окинув себя придирчивым взглядом в серебряном зеркале, леди даро-Исаэт осталась довольна.

Ракел, вопреки ее ожиданиям, не сидел на троне. Когда двери распахнулись, Катарина нашла правителя рхельского царства сидящим во главе стола. Завидев гостью, Ракел поднялся ей навстречу.

– Леди даро-Исаэт, – он припал губами к ее ладони. – Вы знаете, что менестрели Рхеля уж давно называют вас Цветком персика?

Катарина, настроившая себя на тяжелую беседу, не смогла сдержать довольную улыбку. Какая женщина устояла бы перед таким изысканным, пусть и насквозь льстивым комплиментом, полученным из уст царя?

Ракелу было немногим за сорок. Рослый и статный, он обладал величественной осанкой и живыми зелеными глазами. Аккуратная курчавая бородка обрамляла волевой подбородок и скулы, встречаясь с густой каштановой шевелюрой. Старый шрам рассекал висок царя, ничуть не портя лица. Шелковые одежды были просты, но тяжелая цепь белого золота стоила полсотни отборных скакунов.

– Ваше Величество галантнейший среди правителей, – сказала Катарина чистую правду.

– Простите ли вы мое давешнее невнимание? – Царь настороженно ждал ответа. – Дела государственные... Мне ли вам говорить, как часто заботы застят мир вокруг, леди Катарина.

– Мои заботы ничто, в сравнении с царскими.

Ракел повел рукой, указывая на стол.

– Я хотел бы отобедать с вами, леди Катарина. Мой новый повар просто чудесник.

На стол подали запеченный в меду телячий окорок, грибы, фазанов, форель и лосося в сметане и еще много других блюд, большинство из которых Катарина в тот вечер так и не попробовала. Забористое белое рхельское вино, славящееся на весь мир своим неповторимым букетом, щекотало ноздри.

Разделив пищу, они вели непринужденную беседу.

На сладкое принесли еще с десяток блюд, от запаха которых рот Катарина наполнился слюной, хоть желудок ее был уже полон.

После они, как водится, сели за шахматы.

– Леди даро-Исаэт, дочь просила меня побеспокоить вас вопросом, – начал Ракед, вводя в игру черную пешку. – Не прислал ли молодой лорд даро-Исаэт весточку?

Катарина поблагодарила богов, что теперь нет нужды самой начинать тяжкий разговор. Она нарочно медлила с ответом, делая вид, что старательно обдумывает ход в игре. На самом же деле Катарина обдумывала другое.

– Мой племянник так молод, – неопределенно ответила она, походила ладьей и передала ход царю.

Тот не подал виду, что ждал совсем иной ответ.

– Молодость, – Ракед погладил холеную бороду. – Я на днях только вспоминал о своей юности. Одним богам ведомо, почему не сгинул в бою. Мой придворный лекарь говорит, что если сложить разом все мои шрамы да вытянуть их, то выйдет пояс в три обхвата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.